

ЛИНА НИКОЛАЕВА

ФАЗА
МЕДЛЕННОГО
СНА

18+

Лина Николаева

Фаза медленного сна

«Автор»

2026

Николаева Л.

Фаза медленного сна / Л. Николаева — «Автор», 2026

«Да, таких, как вы, в нашем мире уже не один десяток. Да, это давно стало отлаженным механизмом. Да, вы — наш ресурс, и это не изменится». Попавшим в другой мир людям пообещали многое, но правды в этом списке не было. Захотелось узнать её? Плати: моралью, принципами, здоровьем — а лучше всем сразу. Марк думал, что уплатил достаточно, однако вслед за разгадкой шел выбор: стать пленником или палачом. А ведь ему говорили, что монета не падает точно на ребро — всегда нужно делать выбор.

© Николаева Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
1. Кость, застрявшая в горле	7
2. Дорога наших стремлений	14
3. Причины спуститься в ад	19
4. Чтобы мы жили	25
5. Главное, чтобы это не было прощанием	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лина Николаева

Фаза медленного сна

Пролог

Громче прежнего кричали декламаторы: зверь должен быть убит. На разный лад это повторялось в магазинах и мастерских, в аптеках, парках, гостиных, залах. Прохожие хватали листовки с призывом и, гордые, шли записываться в полк, но Лингард смотрел на них свысока. Он-то сделал это одним из первых, как только король Арамин объявил войну!

Его отрядили в дивизию, которая отбывала на защиту Карда. Однако подготовка провизии и снаряжения заняла слишком много времени — ждать было невыносимо. Хотелось быстрее уехать, чтобы быстрее вернуться и показать всем, чего он стоит на самом деле.

Он Лингард, Лингард! Не Лин, как называла мать, и, тем более, не Лин-Лин, как дразнили в школе. А когда он сказал, что вместе с солдатами уйдет воевать с дикарями-ленгернийцами, это превратилось в «Лин-Лин — врун-врун».

Думали, лжет? А вот и нет! Ну и что, что в приказе призыв с шестнадцати. Он отдал офицеру отцовские часы, и тот вошел в положение — это ведь ошибка в документах, ему не четырнадцать. Да и рост у него, как у шестнадцатилетнего, даже выше!

В Кард дивизия Лингарда прибыла через десять дней после формирования. Город стоял у границы, но старшие офицеры считали, что сражение не коснется его. Ойвел подготовил наступление, и вот-вот в воздух должны были подняться самолеты с заложенными в них бомбами.

Хотя от Кийрана, который уже встречался с ленгернийцами, Лингард слышал, что зря офицеры радуются. Старый солдат считал, что новые модели самолетов не идут в сравнение с теми, что были изобретены на родине людей. Ленгернийцы же использовали магию. Да и сами они были опасны: Кийран все твердил про афеноров, которые умирают и возрождаются из пепла, про дружащих с духами эйлов, про сурреев, превращающихся в зверей.

Зверей, ха! Картечь остановит любого!

Однако ни один из самолетов не вернулся. А затем пришли Они.

Они явились тихо: с их приходом не пали стены, не громынули городские ворота, и даже сирены смолчали.

— Зверь должен быть убит, — шептал Лингард, крепче сжимая ружье.

Но, наверное, он все же был трусливым Лин-Лином, как говорили в школе, ведь выстрелить он не смог.

Они не были армией, их набралось меньше, чем солдат в роте или бригаде. Они не взяли ни снарядов, ни ружей. Даже ножей при них не было. Только клыки и когти. Оскаленные морды, рычащие и воющие. Стремительные лапы. Вихрем Они пронеслись по улицам. Не разрушая, нет, но валя на землю, кусая и несясь дальше. Они оказались подобны чуме, и болезнь эта передавалась легко, а лечения от нее не было вовсе.

— Если укусят, лучше застрелись, парень, — шепнул Кийран.

После укуса суррея человек сам превращался в зверя. Нельзя этого было допустить. Они — люди, они заслужили место под солнцем! Не это зверье, дикое, не знающее ничего человеческого. Всех пристрелить, зверь должен быть убит!

Но почему-то не осталось ни громких лозунгов, ни грозных взглядов. Только огонь, пожирающий улицы. Перевернутые машины. И толпы, дикие толпы мечущихся людей. Даже солдаты, позабыв о долге, вместе со всеми искали спасения от клыков и когтей.

Лингард забывать не хотел. Только почему-то руки никак не могли взять ружье как следует, выставить вперед. Он цеплялся за него, как за спасительный плот, и крепко прижимал к груди. Надо держать, главное, держать, до последнего! Он же Лингард, Лингард!

Среди отблесков пламени метнулась тень. Зверь бесшумно скользнул за спину. Лингард обернулся — того уже не было. СURREY дразнил, играя, как кошка с мышкой. Парень выставил ружье. Проклятые руки затряслись, палец никак не мог нащупать курок.

Запнувшись о собственную ногу, Лингард растянулся на земле. Всего секунду виднелось небо, фиолетовое из-за отблесков огня, а затем его закрыл тигр. Лингард видел такого в зоопарке, только тот напомнил упитанную кошку, этот же был огромен и скалился, а из пасти пахло мясом и кровью.

Утробно рыкнув, он вцепился в плечо солдата, сжал посильнее, а затем запрокинул морду. Секунду в пасти виднелся кусок: покрасневшие лоскуты кожи да плоть, кровь капнула зверю на грудь — тигр сглотнул и кинулся дальше. Взгляду снова открылось фиолетовое небо.

Парень со стоном сел. Все внутри сковало льдом, в плечо будто впрыснули холодный сок, который растекался по венам и заменял собой кровь. Не сдерживая крика, Лингард упал на землю и распростер руки.

Когда стих огонь, из фиолетового небо сделалось густо-синим, проступили звезды, а затем на горизонте задребезжала оранжевая полоска рассвета. Над Лингардом вырос офицер в зеленой шинели.

— Мы прогнали их? — встать не получилось.

«Не по уставу обращаюсь», — с отчаянием подумал он. Накажут за такое! Еще и вопросы первым задает, сидя, к тому же!

— Они ушли, — коротко ответил мужчина, наставляя на грудь Лингарда ружье.

«Человек сам превращался в зверя...»

— Это он напал, я защищался, правда! Я не превращаюсь! — взмолился парень.

— Зверь должен быть убит, — процедил солдат и нажал на курок.

«Я же Лин...»

1. Кость, застрявшая в горле

Два шага вперед, два шага назад — на этом камера заканчивалась. Расчеты были сделаны на глаз: ходить Марк не мог с первого дня взаперти.

Наверное, прошло около месяца. Может, больше. Или меньше. В камере не было ни часов, ни календарей, и только боль нитью связывала прошедшие дни.

Марк гнил заживо, сутками лежа на соломенном матрасе, окруженный вонью отходов и вшами. Или блохами? Они появлялись чаще охраны и, тем более, чаще Эрмана Коля. Собственно, это была неплохая компания: они молчали. И не делали больно.

Каждое утро заходили один или двое из охраны. Оставляли миску с кашей — на завтрак, слишком густую из-за крахмала похлебку — на обед и банку с водой — на ужин, наверное. Эрман появлялся раз в неделю. Извинялся, осматривая камеру, отдавал приказ прибраться, принести горячую еду, привести врача. Не исполняли ни первое, ни второе, а вот врач приходил. Ковырялся в ногах. В руках. А потом Марка относили к Эрману, и все начиналось по новой.

Наверное, Коль заходил бы чаще, но поводов для встреч — идей для новых опытов у него было немного. А может, ему не хватало времени: война началась. Это обсуждала охрана, проходя мимо камеры, и Марк хорошо запомнил их злобные, оскорбляющие «ленгернских зверей» голоса.

В какой-то момент он поймал себя на том, что мечтает, чтобы война сожгла всех. И Ойвел, и Ленгерн, и его самого, конечно. Однако этого не происходило, и круг оставался прежним: двойная боль, когда он тянется к мискам, тройная — во время экспериментов Коля и просто боль — в часы лежания на вшивом матрасе.

В замке повернулся ключ. Марк шевельнулся, забиваясь в угол. Это отдалось болью в спине, переходящей в плечи и шею, но движение уже было сродни инстинкту. Он появился так быстро, за несколько первых дней, пока Эрман думал, что Марк не рассказал всего, и к нему приходили часто, слишком часто. Конечно, уберечь такое движение не могло, но на какую-то дурацкую секунду в это удавалось поверить.

На пороге остановился один, за ним выросли еще двое — все в простых рабочих комбинезонах. «Зверь должен быть убит», — эхом отдалось в голове. Наверное, в городе узнали, что он бывал в Ленгерне, и пришли за ним.

Марк пошевелил пальцами — ни черта! По-прежнему через камеру тянулись золотые нити, но магия теперь была бессильна. Коль позаботился об этом.

Первый шагнул вперед и чертыхнулся, наступив на склизкие остатки каши, расплескавшейся, когда охранник даже не зашел, а просто швырнул на пол миску, как кусачей псине. Марк еще сильнее вжался в стену. Колени сковала боль, хотя вместо них остались осколки костей да лоскуты кожи. Об этом Коль тоже позаботился.

— Ты в порядке? — в голове первого совсем не было красок.

Ловушка Эрмана! Наверное, хочет проверить, как работает его лекарство, действительно ли магия больше не поддается. Или ждет, что Марк расскажет «спасателям», что не рассказал ему.

— Конечно, он не в порядке, черт возьми! — рывкнул второй, выходя у него из-за плеча.

Тембр показался знаком. Выкрашенные в красный волосы и долговязая фигура — тоже. Марк бешено вращал глазами, разглядывая чужаков. Ловушка, точно, ловушка.

— Поживешь как зверь, еще не так на людей будешь смотреть, — закончил он и, нависнув над Марком, стянул с него одеяло. Тот прижал руки, молясь, чтобы было куда сдвинуться, но спиной он уже упирался в стену.

— Это что за головоломку вы мне даете, тут же не колени, а месиво какое-то, — красно-волосый цокнул языком и достал из кармана тубус размером с ладонь, а из него — шприц.

Марк даже не стал вырывать руку — в этом просто не было смысла. Раз Эрмана нет рядом, то и нет того, кто запретит учить, чего стоит непослушание.

— У нас сорок минут до обхода. — Третий безразлично озирался по сторонам. — Как несет, — буркнул он.

— Не гони коней, успеем. Птичка уже у нас в руках, — красноволосый ухмыльнулся.

Прежде чем навалилась тьма, Марк подумал, что скоро боли станут еще больше.

В палате стояла кровать. Большая, с мягким матрасом и посеревшим, но все-таки чистым постельным бельем. На тумбе — заботливо оставленный кем-то стакан воды. Уже привыкнув не шевелить ногами, Марк поелозил по кровати, подбираясь к нему, и залпом выпил. Чистая, приятно прохладная, хоть и с нотами горечи. От нее снова захотелось спать, однако сон не был спокойным: Марк постоянно вздрагивал от хлопанья двери, думая, что за ним идут, и за ним действительно приходили, что-то делали с телом, однако стряхнуть сон не получалось.

Окон в палате не было, но по ощущениям прошло не меньше недели. Марк просыпался, ел и снова проваливался в сон. Боль медленно отступала, становясь все более глухой, однако колени не переставая ныли, особенно по утрам. Вместе с этим Марк чувствовал, как к рукам снова льнут нити, как отзываются на прикосновения. Жизнь сделалась почти сносной, но от этого сильнее захотелось бежать. Покой не мог быть настоящим, это не помощь — еще одна ловушка. Просто другая сторона чертовой монеты.

Марк медленно поднялся. Ответов у него тоже не было. Все, что он знал, это что Арон, хирург из гетто, почти по кусочкам собирал ему раздробленные коленные чашечки, сшивал мышцы на руках, рассеченные Колем ради изучения взаимодействия с нитями. Не меньше потрудились Каира, маг-целитель.

Держась за стену, Марк доковылял до двери. Он понимал, что делает еще одну глупость — нужно лежать, ждать. Вместо этого хотелось разнести что-нибудь на чертовы молекулы да уйти куда подальше.

Марк вышел. Его встретил обычный больничный коридор: беленые стены, ряд простых деревянных дверей, запах спирта, мочи и старости. Хорошо, его оставили в больнице — зачем? Вернее, зачем его спасли? Хотя что за вопросы! Правильный спрашивать так: кому и ради чего его магия понадобилась на этот раз?

Задрожали ноги, подогнулось колено. Марк упал, челюстью ударившись о пол. Было больно, однако предательский голосок внутри просил лежать, лежать целую вечность, не двигаясь, но наслаждаясь отсутствием людей, вшей и чужих шагов. Марк приподнялся на локоть. Колени нещадно крутило, встать он не смог — тот голосок только рад был, праздная секунды покоя.

Послышалось веселое насвистывание, затем — шаги. Марк перевернулся набок и прижался к дверному косяку. За ним опять идут!

Нет. Не идут. Уже нет. Выдохнув, Марк сел. От боли в ногах затряслись руки, на теле выступила испарина. Продолжая насвистывать, Арон, одетый во врачебный халат, показался из-за поворота и направился к Марку с самым беззаботным видом.

— Уже утро, а ты все лежишь? — Он подставил плечо, помогая встать. — Я приговариваю тебя к ежедневной встрече со мной и Каирой. Хватит валяться, как мешок дерьма. Мы превратим тебя в человека прямоходящего.

— Спасибо, — буркнул Марк, садясь на кровать и облокачиваясь. Стыд за то, что он даже встать не смог без чужой помощи, отзывался противным зудом в ладонях.

— Так. — Арон подтащил стул к кровати и взял серьезный тон. — Необходимо проверить, чтобы не началось воспаление, хотя Каира знает дело, а про свой скромный вклад я

вообще молчу. Если все в порядке, я принесу трость, и приступим к тренировкам. Время поджимает, тебе надо успеть до возвращения Джая.

На лице медленно, почти карикатурно появилась ухмылка. А ему вообще много чего надо было сделать. Результаты вот: Асур с Эликой, Кэй. Может быть, и Бэлл? Люди в клетках. Война. Со всем, где звучало чертово «надо», он не справился.

— Кто это? — Марк выпрямился и откинул пятерней упавшие на лицо волосы. «Подстричься тоже надо», — лениво, даже с ноткой пренебрежения скользнула мысль.

— Как бы так ответить, — Арон потер подбородок. — чтобы ты не проводил параллелей с дядюшкой Кристоге или Колями. Но ты все равно это сделаешь, да? Наш лидер. Ты ведь уже все понял?

— Ни черта я не понял. — Марк еще сильнее выпрямился и спустил ноги на пол, не желая беспомощно валяться в кровати, хотя боль в коленях не унималась. — Зачем вы спасли меня?

Арон с громким хлопком прижал руку к лицу и покачал головой.

— Хоть бы раз «спасибо» сказал. Ну что ты за человек, а? Между прочим, нам пришлось даже поработать мастерами, ремонтирующими другой корпус, а не просто надеть их форму. Считай, что «Райзап» — это благотворительная организация, и тебя забрали у Коля и вылечили из чистого человеколюбия.

— А из каких мотивов меня оставят, а не вернут?

— Хороший вопрос. Джай объяснит. Он тут у нас автор, думающий над сюжетом.

Нити потихоньку натягивались, ладони жгло. Желание разнести кого-нибудь на молекулы уже становилось навязчивым, и казалось, только это и разобьет тугой комок в груди, собравшийся за последние месяцы.

— О, такого молчания со мной никогда не было, какие уж тут параллели с Кристоге и Колем.

— Научился язвить? Мне нравится, но надо потренироваться. Подождешь, не страшно. Считай это частью платы за спасение.

— Где я, хоть скажешь?

— В Ордвеле. В гетто. В больнице. И под землей, я бы добавил. — Арон встал. — Ладно, надо подготовиться к осмотру. Да и вообще работы много, — он устало потер глаза и уже без всякой улыбки, без своего наигранного веселья вздохнул: — Война ведь.

Следующие несколько недель превратились в какой-то чертов круг встреч. Приходил Арон, Каира, другие врачи, медсестры. Из раза в раз открывающаяся дверь вызвала дрожь и желание забиться в угол, но вырвать страх не получалось, что бы Марк ни говорил себе. Это стало главным инстинктом, и он перестал закрывать палату вовсе.

Арон помогал с восстановлением. Опираясь на трость, Марк уже выходил из комнаты, а затем из дома, но вместо солнца и неба видел там только мрачные своды да камень. Численность людей оказалась выше, чем значилось в официальных переписях, и большинство прятались в подземном городе, выстроенном еще ленгернийцами.

Через несколько дней явился Эйвель. Плотно закрыв дверь, он осмелился снять маску и так ослабил ворот плаща, что стал виден участок, где шерсть становилась щетиной, а затем переходила в кожу, как у нормального афенора. Несмотря на внушительный рост и видневшиеся клыки, взглядом он походил на побитого щенка — наверное, в нем было сочувствие или даже сострадание.

Нехотя откладывая газету, Марк поднялся на подушках повыше.

— Как ты себя чувствуешь? — Эйвель сел на самый край стула, в голосе слышалась непривычная робость.

— Ерунда, всего пара шрамов осталась, — появившаяся улыбка больше напоминала судорогу.

— Мне жаль, что понадобилось так много времени. Тебя хорошо охраняли, мы не могли открыто напасть.

— Спасибо, — произнес Марк, глядя куда угодно, но только не на собеседника.

Прежде чем начать, Эйвель сделал паузу — достаточно длинную, чтобы счесть, что не заговорит вовсе. За это время Марк подумал: тот, наверное, догадывался, что чем-то подобным и закончится дело, поэтому тогда, в доме Коля, так аккуратно заговорил о третьей стороне и показал жизнь в гетто.

— Думаю, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, и скажу одно: время лечит. Каждый имеет право на ошибку и...

— Это уже больше одного.

Эйвель вытянул морду, уставившись на Марка.

— Что-то не так? — тот ухмыльнулся, еще выше приподнимаясь на подушках. — Пожалуй, да. Каким-то удивительным образом травмы меняют меня, и ждать и выискивать правду не осталось никакого желания. Что вам от меня нужно?

— Марк, я все понимаю, — мелькнули едва заметные рычащие нотки, но Эйвель умело прикрыл их приторной заботой в голосе. — Я не тот, кто может дать надежду пережившему боль, и ничего, кроме времени, не успокоит тебя, но прошу, дай нам возможность объясниться. Когда Джай вернется...

— Иди к черту, Эйвель, — Марк говорил ровно, даже с долей ленцы. — Недавно меня научили честности, и со всей этой честностью я заявляю: да, я хочу знать, ради чего все это, но какими бы ни были ваши причины, плевать мне на них. У меня было достаточно долгов, и ни один я не выплатил, даже те, которые хотел закрыть — какой во всем этом смысл теперь?

— Хорошо, Марк. — Эйвель поднялся и надел маску. — Я все же скажу: когда идет война, у тех, кто способен остановить ее, нет выбора. У тебя его нет. Внутри каждого из нас лабиринт, и некоторые хотят блуждать в нем, а не искать дорогу. Я знаю, тебе под силу отыскать верное направление. Сделай это, пока не вернулся Джай, если же ты не сможешь, он сделает это за тебя, но тебе не понравится. Извини.

Из горла Марка вырвался рык: протяжный, громкий и перемешанный со стоном. Да пусть все идет к черту: все эти лабиринты, дороги и выборы, советчики, помощники, спасатели!

Эйвель вышел, но и легчайшего касания двери к косяку хватило, чтобы в голове зазвучали резкие голоса охраны и их хохот, приторный тон Эрмана, звон раскладываемых инструментов и собственный крик.

Марк все чаще выходил на улицу, уже начал гулять, и хоть трость оставалась при нем, из необходимости она превратилась в удобный аксессуар.

Прежде чем вернуться в больницу, он всегда присаживался на лавку и смотрел на прохожих. В них не было ровным счетом ничего интересного: люди как люди, торопятся, ругаются, спорят, смеются.

Только четверть людей третьего мира имела документы и числилась в переписях жителей гетто, остальные родились и выросли в подземном городе, а на поверхность выбирались украдкой. Арон говорил, это не жизнь, и они понимают это: если появится шанс, они ухватятся за него, не жалея себя. Для них «Райзап» стал синонимом свободы, а о помощи подполью мечтал едва ли не каждый. Однако в него входили не только люди третьего мира, но и ленгернийцы, ойвелцы — Арон лишь слегка тронул тему, продолжая отвечать туманным обещанием: все расскажет Джай.

Тот появился, когда со дня спасения миновал месяц. Джай молча сел на лавку рядом с Марком, не сразу назвавшись и не сразу начав, но что-то в его облике ясно дало понять, что так и выглядит лидер райзаповцев.

Ничего от Кристоге с Эрманом в нем не было: он не походил на ученого или на аристократа и больше напоминал выслеживающего дичь охотника. Коротко стриженные светлые волосы, щетина, средний рост — все в нем было достаточно обычным, за исключением глаз. Такого жесткого взгляда Марк, пожалуй, не встречал ни у кого, и хоть начал Джай с улыбки, глаза его так и не улыбнулись. Кроме того, вокруг него собралось множество нитей — гораздо больше, чем у всех, кого видел Марк, и больше, чем у него самого.

— Я давно хотел поговорить с тобой.

Марк продолжал вглядываться в прохожих. Стоило увидеть сидящих, они замедляли шаг, почтительно кивали, а некоторые так по-детски таращили глаза и едва не кланялись Джая, точно считали его своим королем. У короля этого, наверное, любви к подданным не было вовсе — смотрел он на них точно так же, как мог бы смотреть на опавшую листву или стылое небо, будь они на поверхности.

Паузу на знакомство или оценку Джай не взял, а сразу начал, скупно и деловито:

— Я расскажу о положении дел. Два месяца назад в Ойвеле был объявлен призыв. Ленгерну войну не объявляли, однако он узнал о намерениях и решил действовать первым. Сурреи напали на Кард. Он не был стратегически важным городом, так Ленгерн заявлял о себе, говоря: «Смотрите, как мы можем». Сурреи даже не вооружились, они только кусали. Командование приняло решение убить укушенных, чтобы они не превратились. За день до этого ойвелские самолеты вылетели в сторону Арьента и были уничтожены. Затем Ленгерн разбомбил Врос — еще один маленький, ничего незначащий город. Начались сражения, Ленгерн захватил несколько пограничных городов. Сейчас Ойвел восстановил позиции, однако война приобретает затяжной характер.

«Как по учебнику», — хотелось поморщиться, но все с тем же равнодушным видом Марк просто наблюдал за прохожими.

Под землей существовал свой мирок и точно так же, как наверху, здесь кипела жизнь. Кончился рабочий день, и пока одни спешили домой, другие разбредались, заходя в лавки, аптеки, мастерские. Было в этой жизни что-то притягательное, и хотел бы Марк точно так же идти по улицам, чтобы вернуться домой, а не слушать о войне, о бомбах, о смерти.

— Что ты думаешь насчет этого?

— Ничего, — флегматично откликнулся Марк, поставив трость перед собой и обе руки положив на набалдашник.

О происходящем он уже знал из газет, а листовки, которые печатали в гетто, отличались остротой, в них без прикрас описывали потери обеих сторон и вместе с этим обличали правителей. За каждой строчкой Марк видел напоминание: война, которую призвал ты.

Джай неожиданно улыбнулся: по-прежнему улыбка была только на губах, взгляд не утратил жесткости.

— Знаешь, кто ты?

Марк равнодушно пожал плечами.

— Кость, застрявшая в горле у Криансы и Коля. Они должны подавиться ею.

«Ясно», — на лице проступила широкая ухмылка. Совсем, совсем ничего нового. Научить своим командам да заставить исполнять их мечтали двое — а вот уже и третий.

— Чего вы хотите от меня?

— Всему нужен символ, особенно когда речь идет о смене порядка. Ты подходишь на эту роль. Я или любой другой райзаповец — никто для обеих сторон. Да, правильные действия покажут, кто мы, но с тобой это произойдет быстрее. Считай, что ты станешь нашим голосом.

— Стану? — Марк не сдержал смешка. — Это уже решенный вопрос, да? Ну и что я должен сделать?

— Есть три стороны: Ойвел, Ленгерн и люди твоего мира. Примирить их может только общий враг, и это будем мы. Ты должен стать наживкой, на которую клюнут Крианса и Коль, чтобы встретиться, когда мы заявим о себе.

— Отлично. Спасибо, что спасли, но участвовать в ваших играх я не собираюсь. Я уйду завтра.

Говорить так было по меньшей мере глупо — Марк знал об этом, но ко всему проросло глубокое равнодушие, которое не оставляло места ничему, кроме желания разнести все, весь чертов Ойвел и Ленгерн вместе с ним.

— Ты даже не выслушаешь, что я предлагаю?

— Мне уже хватило.

— Ты хотел помочь людям своего мира.

— Вы о них знаете и ничего не сделали — вы явно не меня ждали для этого, вам все равно. Так что изменится для них, если я присоединюсь к вам? А я, если и хочу чего-то сейчас, так это разложить кого-нибудь до состояния молекул, а затем уйти подальше от всех.

Марк поднялся, опираясь на трость, и пошел нарочито медленно. Пусть видит, что такой «костью» не подавиться.

Вечером в комнату ворвался Джай — он вошел без стука, открыв дверь едва ли не с ноги. На нем была длинная куртка с заплатами на рукавах, на кофте под ней виднелись грязные разводы.

— Сегодня был уничтожен целый ленгернийский полк. Ты готов выслушать меня?

Марк откинулся на стуле и закатил глаза:

— Да, готов, но не сейчас, прошу. Голова раскалывается, а ноги совсем не сгибаются.

— Не надо врать, — отчеканил Джай, рубанув рукой по воздуху. — Если после того, как с тобой обращались как с животными, ты решил стать им, меня это не устраивает. Я приведу тебя в чувство, хочешь ты этого или нет.

Джай схватил Марка за руку, их рвануло вверх, мир стал серым, и эта серость навалилась со всех сторон, лишая возможность дышать — через пять секунд он уже стоял на ногах, поддерживаемый райзаповцем.

Воздух сделался плотным, с привкусом копоты и пыли. Освещенная тусклыми лампами площадка пустовала. Рядом двумя линиями высились дома — настоящие бараки с потемневшими стенами, кособокие, без окон. Дальше, сколько хватало глаз, шли руины: обгоревшие камни, разрушенные стены, обвалившиеся крыши и всюду — пепел. Похожие на бесцветные тени люди грузили камень на тележки и увозили, скрываясь в сумерках.

Джай выпустил Марка и ударил кулаком по уху. Голова наполнилась шумом, тот отступил. Райзаповец тоже сделал шаг назад, но только для того, чтобы оттолкнуться, развернуть корпус и грязным ботинком ударить в живот. Марк упал.

— Он украл у меня хлеб! — закричал Джай. — И лекарства у врача, я видел!

Люди побросали работу, обступили площадку, со всех сторон летело:

— Вор!

— Кто это такой?

— Позовите стражу!

Громче всего звучало «Вор» — и люди подходили ближе, воинственно потрясая кулаками. Марк сел, держась за живот, и едва успел увидеть, как Джай ныряет в толпу.

— Повесить вора! — крики все нарастали.

На площадку выскочил мальчишка лет четырнадцати, не старше. Голос у него оказался сильным, а смотрел он так, словно сам был готов броситься на толпу.

— Хватит! — закричал он. — Надо работать! Стражи уже идут! — Парень повернулся к Марку и строго, как судья, спросил: — Зачем ты ворует? Мы все голодаем, но работаем же!

Он был светловолосый и светлоглазый, белокожий, словно крови в нем нет вовсе, такой высокий и худой, что просилось сравнение с палкой или жердью. Эти светлые глаза Марк знал особенно хорошо, и пусть в них не виделось спокойствия, появившегося через несколько жизней, но было так много упрямства и решительности. Он все смотрел на парня, не отрывая взгляда, и не было никаких сомнений по его поводу.

На площадке появился мужчина с мечом. Он схватил Марка за плечи, рывком поднял и потащил к руинам, подгоняя тычками по почкам.

— Ворюга паршивый, — шипел страж.

О новой клетке Марк уже не думал: он все оборачивался, пытаясь разглядеть оставшегося на площадке юного Кристоге.

2. Дорога наших стремлений

— Решил, что тебе все дозволено? — ворчал страж, подгоняя тычками в спину. — Думаешь, самый голодный?

Марка заперли наверху башни, чудом сохранившейся в разрушенном городе и возвышающейся над руинами подобно королю среди нищенок, и пообещали на прощание:

— Когда комендант вернется, решит, что с тобой делать, ворюга.

Комната была простой: голые стены, щербатый пол — на этом все. Столь же простой оказалась дверь, и чтобы открыть щеколду, хватало малейшего прикосновения к нитям. Оставлять руки несвязанными было слишком глупой ошибкой — а может, бежать просто некуда?

Сев спиной к стене и еще держась за живот, Марк перебрал появившиеся вопросы. Для каких-то пяти минут, которые он провел здесь, их было слишком много. Любопытство — нет, скорее, желание докопаться до правды, подобное инстинкту охотничьего пса, готового идти по следу, не позволяло даже думать о побеге.

Марк улегся на бок, положил руку под голову. Новая тюрьма оказалась лучше старой — вот это победа!

Итак. В плену у Коля он провел немногим больше месяца. За это время Ойвел и Ленгерн вступили в войну. Затем его забрали райзаповцы, чтобы превратить в приманку, как сказал Джай. Не получив в ответ ничего, кроме «нет», с помощью магии он... Переместился в прошлое? Если предположение верно, то от настоящего отделяет не меньше трехсот лет. Теперь его настоящее — это руины: Арьента или, может быть, Альты, Ахары, Акиды, Авилы.

Дверь открывалась. Сев, Марк подался назад: «Идут!» Но Коля здесь не было, и прежде чем вошел гость, он успел выдохнуть и откинуть волосы. На пороге застыл Кристоге, все с той же непоколебимой уверенностью на лице, которая отличала его от теней, работающих среди руин. Впрочем, даже с ней он слишком напоминал задиристого мальчишку и никак не мог быть собой, вступившим на новый круг жизни. Это прошлое Ленгерна.

— У меня к тебе один вопрос, — строго начал Кристоге.

— И у меня, — Марк ухмыльнулся. — Ты что здесь делаешь, папочка не накажет?

Насупившись, Кристоге шагнул в комнату. По нему было видно — едва сдерживает злость. В точности, как говорил сам аристократ: юные афеноры вспыльчивы, они не умеют держать эмоции под контролем. А где нет контроля, там много лишних слов.

— Это два вопроса, — процедил Кристоге. — Как ты со мной разговариваешь, человек?

Марк рассеял взгляд, рассматривая нити вокруг парня: их было меньше, чем во взрослом возрасте, но уже достаточно, чтобы противостоять опытному магу.

— А почему бы и нет? Так не боишься, что тебя здесь увидят?

— Мой отец — комендант, и я хожу куда хочу! — Кристоге вскинул подбородок. — А ты, если не хочешь большего наказания, отвечай мне, откуда ты? Я не видел тебя среди магов, а все они очищают Альту от разрушений. Нитей вокруг тебя столько, что о своей силе ты не мог не знать, но и как новый иномир ты не ведешь себя.

Вот он и вернулся в Альту! На губах против воли появилась усмешка. Судя по возрасту Кристоге и очищению Альты мирный договор с Ойвелом уже подписан, и ленгернийцы отступили на свой выжженный клочок земли.

— Очищают от разрушений... — повторил Марк. — Да на что способна магия? Все города лежат в руинах, как их восстановить? — в голос он постарался вложить отчаяние, подначивая Кристоге.

Сжав кулаки, афенор шагнул вперед и навис над сидящим Марком:

— Как это на что? Маги очищают воздух, реки, почву, убирают камни. Даже на пепле вырастут города, я знаю!

Пять, пять жизней прожил Кристоге, и казалось, совсем не изменился за них. К нему даже шевельнулась жалость: все, о чем мечтал мальчишка, выросший при войне, это защитить свою родину — только почему ему не сказали, что новой войной не перекрыть старых потерь?

— Если бы у нас было столько магии, как у вас! — голос мальчишки звенел. — А вы прячетесь и ленитесь, будто вам дела нет, где вы живете. Несправедливо! Почему у вас магии больше? — Кристоге пригладил растрепанные волосы и уже спокойнее спросил: — Так откуда ты?

Марк держался тех же отчаянных нот:

— Ты правда веришь, что еще можно что-то построить?

— Общими силами. Не пройдет и двух лет, как в Альте снова зацветут сады! — афенор вдруг спросил: — Тебе приходилось есть крыс?

Марк качнул головой. Серьезно, будто это тот, взрослый Кристоге, он сказал:

— Однажды мне даже понравился их вкус. Я больше не хочу их есть, не хочу прятаться в канализации и гадать: выберусь или меня завалит? И не хочу, чтобы об этом думал кто-то еще. Отец говорит: чтобы спокойно жили другие, кто-то должен свою жизнь сделать беспокойной. Я найду способ, Ленгерн восстанет, а такие ленивые ублюдки, как ты, будут работать! Молчи, если хочется, но я скажу, что ты маг, и управу на тебя найдут!

Кристоге вышел, закрыв дверь на щеколду. Найдут управу! Это вызвало улыбку умиления. Если так, понадобится что-то посильнее двери — но даже повзрослев, афенор не нашел этой управы.

Марк сел напротив двери. Подняв руки, он нащупал щеколду, но не сдвинул ее, решив дожидаться встречи с комендантом. Мысль, что придется остаться, не пугала по-настоящему — напротив, она распаляла скопившуюся злость и будоражила желание добраться до правды. Хотелось своими глазами увидеть, как Кристоге создает систему — увидеть и сломать, чтобы ни черта в проклятом будущем не было таким, каким он знал.

Почти догорела лампа, и Марк уже не мог разглядеть, но почувствовал, как меняются узоры, в которые складываются молекулы, как уплотняется воздух. Подобно гитарным струнам нити издали тихий звон, и в комнате появился Джай.

На этот раз он кутался в тяжелую зимнюю куртку, отороченную мехом, на плече висела котомка из холщовой ткани. Губы изогнулись в ехидной улыбке, в голосе тоже зазвучала насмешка, но в зеленых глазах по-прежнему не было ничего.

— Готов увидеть мир?

— Который? — Марк говорил с толикой ленцы, пряча острое желание спросить.

— Этот. — Райзаповец протянул ладонь. — Его прошлое и будущее. Если ты не хочешь слушать меня, тогда смотри.

Марк поднялся, кривя лицо от того, как стрельнуло в колене.

— Оденься. — Джай достал из сумки вторую куртку, не новую, судя по потертостям и запаху пота, но теплую, для суровой, северной зимы.

— Так ты можешь?.. — Марк не договорил, как мужчина уже ответил:

— Перемещаться во времени.

По ту сторону двери послышались две пары шагов: тяжелый, заколачивающий и более легкий. Джай схватил Марка за локоть, воздух сжался и серой пеленой навалился со всех сторон, их рвануло вверх, и прежде чем туман рассеялся, Марк ощутил на лице тяжелые хлопья снега.

Кто-то кричал — горестно, с надрывом. Позади раздался стон, будто собака скулит. Марк обернулся: на черном от копоти и пепла снегу лежал мужчина. Лоб рассечен, светлые волосы слиплись от крови. Из живота торчит железная палка, ноги истыканы осколками. Как иглы в игольнице, пришло на ум, и от этого сравнения внутри собрался тугой комок.

Марк шагнул к мужчине, но Джай преградил ему дорогу.

— Все уже случилось. Время вовсе не хрупкое, как может показаться, и тебе его не изменить.

Марк шевельнул пальцами. Хрустнули позвонки, стон оборвался на полуноте.

— Просто не люблю громкие звуки.

Снег все летел и таял, падая на разгоряченную землю — собралось только несколько островков, похожих на проплешины. Воздух был плотным, с дымным привкусом. Среди искореженных зданий бродили сгорбленные фигуры, подобно тараканам выползали из подвалов, канализаций, канав, искали выживших. И тихонько так плакали и молились.

— Где мы? — голос сипел и казался чужим.

— В Арьенте. Столицу разрушили, но Ленгерн будет сражаться год, пока от него не останется крошечная точка в горах. Идем, я хочу показать кое-что еще.

Схватив Марка, быстрым движением Джай перебрал нити. Серость, рывок, пережатые легкие — сиявший над городом оранжевый рассвет. Улицы выглядели мирными, спящими, но стоило пройти десяток метров, повернуть, им предстали сгоревшие дома, искореженные машины — просто груды металла. Дороги были усыпаны стеклом, железом и домашней утварью, точно вихрь врвался в дома, пронесился снизу вверх и раскидывал все, что встречал на своем пути.

По трубам фабрик, по узким петляющим улицам по площади Марк узнал пограничный Кард, куда они пришли, преодолев стену.

— Так начиналась война, — Джай говорил столь равнодушно, точно указывал на забор или, вовсе, грязную лужу.

Послышалась тяжелая, военная поступь. Райзаповец дернул Марка за куртку, увлекая в переулок. Офицер в темно-зеленой шинели навис над лежавшим у стены пареньком в сбившейся солдатской форме и наставил на него ружье.

— Он сам напал, я защищался, правда! — парень приподнялся, голос звучал с надрывом. — Я не превращаюсь!

— Зверь должен быть убит, — твердо ответил офицер и выстрелил.

Закинув ружье на плечо, он подхватил паренька на руки, донес до конца улицы и бросил, как мешок, рядом с лежащими на деревянном настиле трупами. Свет покореженного фонаря освещал их: потерявших ботинки, шинели или фуражки, с простреленной грудью или головой, и у кого-то уже были звериные носы, уши, лапы, хвосты.

— Они убили всех, кого укусили сурреи, — пояснил Джай. — Для них они уже перестали быть людьми.

Марк дернулся и отступил в тень, сунув в карманы налившиеся жаром ладони. Государства сражались почти два месяца, но только теперь слово «война» обрело для него силу. Она шла не триста лет назад, не сто — сейчас. И беги не беги, а спрятаться от нее уже не получится — он сам призвал эту войну.

Райзаповец положил руку Марку на плечо, их снова окутала серость, рвануло вверх. Они встали на скале, откуда долина виднелась как на ладони: бредущая с факелами вереница сгорбленных людей, чернеющие руины. И никаких звуков — только холодное безмолвие.

Марк натянул капюшон на голову, сунул руки поглубже в карманы. Домашние туфли, в которых он был, мгновенно промокли, и ступни уже сводило холодом, но уходить он не хотел и все вглядывался. Казалось, еще чуть-чуть — услышит скрип снега под ногами идущих, голоса, но они уходили, таща на себе огромные мешки, а скрипа и голосов так и не было. Как не было лая бегущих рядом собак, не скрипели и телеги — наверное, и жизни в них тоже не было.

— Выжившие рыщут среди руин и идут дальше, от одного города к другому, — пояснил Джай, стоя за спиной.

— Как далеко мы в прошлом?

— Это будущее. Ровно три года с того дня, как я пришел к тебе.

Марк медленно повернулся. Как это могло быть будущим? Он снова посмотрел на долину — силуэты бредущих превратились в точки, и только свет факелов выдавал их. Да что должно было произойти, чтобы за три года мир сузился до мародеров и руин?

Но он ведь знал ответ: война.

— Идем.

В пещере среди скал уже был сложен костер, и Джаю оставалось только достать из сумки спички. Когда затрещал огонь, райзаповец протянул Марку подобие термоса — металлическую бутылку с двойными стенками, ремнем и чашкой-колпачком. Чай обжигал, а судя по вкусу, в него добавили крепкий травяной бальзам.

— Мы можем вернуться?

С явной неохотой Джай признался:

— Пока нет. Мне нужно время, я не могу прыгать во времени так часто.

Минут пять оба молчали, вслушиваясь в треск костра. Не отводя от огня взгляда, своим жестким голосом Джай начал:

— Ты, наверное, думаешь, у тебя есть выбор. Его нет. Вот что ждет нас в будущем, и пока оно не изменится, выбора я не оставляю никому. Мы будем делать ровно то, что нужно, чтобы предотвратить разруху — мы остановим войну.

Марк придвинул замерзшие ноги к костру и столь же жестким тоном спросил:

— Зачем тебе это? Не говори, что беспокоишься о других.

— Тот, кому знакомо прошлое и будущее, не может думать о себе. Это называется ответственность.

— Не может — но думает?

Джай шевельнул дрова в костре. На лице залегла длинная тень, отчего он показался старше, а вместе с этим — печальнее, но его решимости это не умаляло, и райзаповец выглядел человеком, готовым на все.

— Это неважно. Я должен сказать, что я из другого времени и старше, чем кажусь. Извини, что ударил тебя. Слова никогда не были моей силой, да и я знаю таких, как ты. Хорошему вы не доверяете, вы бежите от него, ища самую черноту, ведь плохое вам понимается лучше. Ты не веришь словам про ответственность, но дело не только в ней, ты прав. Меня бросает из одного времени в другое, и не всегда я могу вернуться. Все, что мне остается, это начинать заново раз за разом. И если меня забросит так далеко, что я не смогу вернуться, я хочу знать, что там что-то есть.

Уставившись на огонь, Марк провел рукой по отросшим волосам. «Надо подстричься», — опять подумал он, столь же отстраненно, как в первый раз. Волосы стали такими длинными, что забирались в хвост. Наверное, увидь его кто-то из своего мира — не узнал бы. Хотя какая, к черту, разница. Уже не будет знакомых, того мира, да и этого тоже, если Джай говорит правду.

— Как это возможно? Выходит, будущее можно изменить?

Поднялась метель, дрогнуло пламя, но вход защищал скальный выступ, и снегом едва-едва замело порог.

— Будь все предначертано, я бы не говорил с тобой, а проживал остаток дней. Время очень гибкое, оно не живет по законам, а условностей в нем больше, чем в самой жизни. Все, что было до точки в настоящем, неизменно. Я убивал Криансу и Коля. Отговаривал тех, кто начал первую войну. Предупреждал самого себя в прошлом. Ничего из этого не срабатывало — я возвращался ровно к тому, от чего уходил. С будущим сложнее. Я начинал не раз — снова и снова в нем не остается ничего, кроме разрухи. Моя последняя надежда в том, чего я не хотел больше всего.

Марк ожидал, что Джай продолжит, но как опытный театрал он выдержал паузу и понизил голос после этого:

— Ойвел и Ленгерн больше не подпишут мирный договор. Людям твоего мира не хватит сил отвоевать себе место. Я уже говорил, это возможно, только если появится новая сторона, против которой они объединятся.

— Райзаповцы.

— Верно. Годами я собирал тех, кто верит в возможность общего мира, остается только дать команду. Нас будут бояться, нас послушают, и пусть с помощью силы, но мы заставим их поверить в мир.

— А чем это лучше войны? Разве жертв будет меньше?

— Ничем, пожалуй. Выбор в другом: принести в жертву часть или позволить Ленгерну и Ойвелу уничтожить весь континент. Да, дорога наших стремлений — это дорога трупов, и я предлагаю пройти ее вместе с нами.

Какое же «благородство»? Как и у Кристоге, как и у Эрмана — пожертвовать десятком ради тысячи. Но Джай хотя бы не притворялся: не обещал мирного решения, не сулил счастливой судьбы — он честно показывал свое хищное лицо, зная, насколько кривой выглядит его справедливость.

Среди всего этого ему снова нашли место. Марк ухмыльнулся, поднимая взгляд к сводам пещеры:

— Я похож на того, кому все это нужно и кто рискует ради других?

— Я уже говорил — я начинаю не первый раз. Ты не сильнее других, не умнее и уж точнее не смелее — ты просто один из многих, и на этот раз я решил использовать тебя. Я видел достаточно и знаю, какой ты. Мне нужен черт, который таится внутри. Ты можешь действовать, и ты это уже делал. Не говори: «Чем это обернулось!» Да, я видел и все равно скажу: смерти, пытки — сильные удары, но не нас ломают — мы сами решаем, когда сломаться. Хочешь забиться в нору, высывая морду, только чтобы порычать на мимоидущих? Живи так, но через три года не останется ничего.

Ладони жгло, и не нужно было усилий, чтобы через воздух протянулись нити, а мир разложился до молекул и атомов — усилие понадобилось, чтобы усмирить магию, жадно просящуюся на волю хоть на миг, она бы и за него превратила мир в руины. Запереть ее стоило на еще большее количество замков — ровно до тех пор, пока условия сделки не придется выполнять. Райзаповец был прав, и стоило вспомнить, ради чего они пересекли стену, ради чего умер Кэй и ради чего Марк гнил в тюрьме.

Затушив костер, Джай поднялся и протянул руку:

— Я готов вернуться. Поднимайся.

3. Причины спуститься в ад

На следующий день Марк вместе с Ароном вышел из лечебницы и направился по закручивающимся спиралью улицам. О том, что уже полдень, говорили только стрелки часов — внизу свет не мерк, и даже ночью фонари оставались зажженными, освещая дорогу горожанам никогда не спящего подземного города.

Они шутили и смеялись, ворчали, ругались, болтали, спорили — голоса звучали на разный лад, и вокруг их было столько, точно под каменными сводами уместился целый Ордвел. За месяц заточения Марк слишком привык к тишине, и, оказавшись в центре, он почувствовал себя зажатым со всех сторон, сдавленным чужими людьми. Чтобы избавиться от этого, он пытался сосредоточиться на том, как трость стучит о камень под ногами. От травмы осталась только легкая хромота, и настоящей нужды в опоре уже не было, но Марк не отпускал ее, чувствуя себя огражденным от голосов, от скрипов дверей, от воспоминаний, когда рука лежит на набалдашнике.

Пока они шли, Арон рассказывал:

— Все улицы ведут к ратуше. Дома и дороги перестраивали, а она так и осталась, какой ее построили ленгернийцы. Говорят, под ней находится святилище Альты — это злобная дамочка из их пантеона, которой приносили жертвы, чтобы вымолить победу в войне.

Без врачебного халата он выглядел непривычно, а косуха придавала ему еще более дерзкий вид. Однако прохожие то и дело останавливали его, здоровались, благодарили и спрашивали, как лечить свои болячки. Пока Марк топтался рядом, Арон терпеливо отвечал. Он не изменял привычке язвить и шутить, но для каждого подбирал свой тон, и люди от этого точно расцветали и шли дальше уже с улыбкой.

— Почему они живут здесь? — спросил Марк. — Зачем скрывать настоящую численность?

— Это ради защиты, а не потому, что мы готовим сюрприз. Ойвелу нужно ровно столько людей, сколько существует грязной работы. Лет семьдесят назад численность сильно увеличилась, тогда часть населения принудительно кастрировали. Теперь большинство прячутся.

— Сколько всего райзаповцев?

— Не знаю, если честно. Джай слишком часто прыгает в прошлое, ему приходилось жить чуть ли не в каждое десятилетие. Порой выясняется, что к райзаповцам относит себя какой-нибудь правнук того, с кем Джай разговаривал века назад. Так что он, можно сказать, бессменный лидер на все времена, а идущие за ним были всегда.

Джай говорил, что его бросает по временам — его магия казалась настоящим хаосом. Как с такой способностью можно что-то организовывать? Вести за собой? Да, благодаря прыжкам Джай мог многое знать, многое видеть — и он же мог бросить своих людей в любой момент.

— Вы не боитесь, что когда-нибудь он просто не вернется?

— Боимся, но ведь идея — это не он, а все мы. Джай не политик, не солдат, да и чувства юмора ему не хватает, но он смог собрать нас и показать, что есть кое-что поважнее наших потерь и страхов — наше будущее.

Впереди уже появилась ратуша, которая среди окружавших ее одинаковых серых домов казалась настоящей царицей — с арками, галереями, трехъярусной башней и, конечно, часами по афенорской традиции. Стрелки на них приближались к шести — от какого события они вели отсчет?

— Ты тоже бывал в будущем?

— Джай брал тебя с собой? — Как будто бы в голосе Арона мелькнула обида, но ее он так быстро прикрыл улыбкой, что могло показаться. — Что ты видел?

— Ничего, — голос против воли дрогнул.

Конечно, Джай мог соврать и показать не будущее или не Ленгерн с Ойвелом, узнать это еще предстояло, но пока Марк решил принять сказанное за истину. Значит, в будущем не было ничего, кроме разрухи.

— И поэтому у тебя перекосилось лицо? Рассказывай.

Арон остановился напротив входа в ратушу и положил руку на дверь, выжидая, уставившись на Марка.

— Джай говорил, к чему приведет война?

— А разве у войны есть итоги кроме того, что врачи и могильщики становятся самыми нужными людьми? Про что ты?

— Попроси его показать. — Марк равнодушно пожал плечами, хотя незнание Арона заново расшевелило подозрения. Подобно Кристоге или Эрману Джай затеял какую-то игру и каждому участнику давал по кусочку, не больше — и все равно играть окружающие почему-то соглашались с превеликой охотой.

Арон что-то буркнул себе под нос и зашел в ратушу. Они миновали просторный холл, поднялись на второй этаж. В это же время из кабинета вышел мужчина и, не заметив их, направился по коридору.

У него были длинные черные волосы, худощавое телосложение. Отутюженный белый воротничок рубашки выглядывал из-под серого пиджака. Заслышав шаги, мужчина обернулся и, улыбнувшись, медленно снял очки-полумесяцы. Это был Эрман Коль. Марк попятился. Ученый придумал новый эксперимент, и сейчас снова будут резать руки, спину, изучая связь тела и магических нитей.

Арон опустил ладонь на плечо Марка, не давая отойти дальше. С развязной улыбкой он крикнул Колю:

— Алуин, чертяка, опять пугаешь людей.

Скромно улыбнувшись, мужчина подошел и протянул руку. Это был не Эрман, хоть и сходство между ними оказалось разительным: те же обманчиво юношеские черты и легкая тень трагичности на лице, острый подбородок, даже необычный медово-желтый оттенок глаз совпал.

Марк со стиснутыми зубами пожал руку в ответ — пожатие Алуина оказалось удивительно сильным для человека с такой утонченной внешностью.

— Я и сам пугаюсь, заглядывая в зеркало, — рассмеялся он. — Алуин Коль, наследник ойвелского престола.

Марк тут же проверил: мужчину опутывали нити, хоть и было их немного. Как рассказывал Эйвель, магией владели все трое Колей, и это Эрман сдал Алуина правосудию. Почему же он пощадил одного брата, но не пожалел другого?

— Я могу спросить, как вы спаслись?

— Стараниями равнодушных людей. Для кого-то служба государю и честь сильнее ненависти к магии.

Расспросить хотелось о многом, но не при Ароне. Марк сдержанно кивнул, Алуин кивнул тоже, кивнул и Арон.

— А теперь по кругу? — посмеиваясь, он направился по коридору.

Все великолепие ратуши осталось снаружи. Красная ковровая дорожка потемнела от времени, а кое-где протерлась до дыр. Потемнел и потолок, местами обвалилась лепнина, углы заросли паутиной. Двери выглядели хлипкими — пальцем тронь, и откроются.

Арон открыл последнюю из них и пропустил Марка и Алуина, кланяясь:

— Ваше будущее величество, ваше прошлое переделшество, прошу.

А вот зал еще сохранил остатки величия. По потолку тянулась аккуратная лепнина. На стенах висели тяжелые красные портьеры, хотя вместо окон за ними прятались альковы с изображением фениксов, и краска даже не утратила яркости со временем. Настоящей ценностью

был дубовый стол, на поверхности которого вырезали карту материка, и с удивительной точностью она повторяла изрезанный берег.

— Присаживайтесь, — на лице Джая появилась улыбка и исчезла так быстро, что можно было принять за игру теней.

По правую руку от райзаповца сидел Эйвель, неизменно в плаще и маске, рядом, сложенные палец к пальцу, лежали черные перчатки. Следующее кресло занял Арон, за ним — Бэлл. Первым желанием было поговорить, Марк повернулся в ее сторону, но так и не произнес ни слова — это сидела другая Бэлл. Радужка глаз у нее уже была не голубой, а светлой, как вода в ручье, взгляд — стеклянным. При этом лицо обрело особую мягкость, эйлийка казалась слишком спокойной, на грани с отрешенностью.

Место по левую руку от Джая занял Алуин, рядом опустилась Каира. Было у нее что-то общее с Джаем: ни разу, пожалуй, Марк не видел улыбки на ее лице, а жесткая складка на лбу придавала женщине особой суровости. Впрочем, другого от той, кто держит лечебницу с врачами-магами и отбивается от ордельского правопорядка, обратившего на нее внимание, ждать не стоило.

Марк сел рядом с Бэлл, чуть наклонился, пытаясь поймать ее взгляд, но девушка не обращала внимания — она выглядела неживой, как манекен, в шутку усаженный за стол. Захотелось отсест в конец, подальше от всех.

Арон хлопнул в ладоши:

— Герои в сборе, начинаем сцену «Совет». Не забудьте развесить ружья.

— Спасибо, что пришел, Марк, — проговорил Эйвель. — Позволь начать с объяснения, почему мы собрались здесь именно в таком составе. Как ты знаешь, Джай создал «Райзап». Алуин представляет интересы Ойвела, он возглавит его, когда король Арамин будет низложен. Я представляю Ленгерн и...

— Возглавишь его после? — перебил Марк, скрещивая руки.

— Нет. Будущий король пока не может присутствовать на собраниях. Я держу связь с ленгернскими-райзаповцами. Каира координирует ойвелских магов. — На этих словах женщина скромно пожала плечами и поправила скрученные в тугие кольца волосы. — Арон...

Врач громко продолжил:

— А я ваш амбассадор хаоса, призванный разбавить компанию столь хмурых лиц. И, как выяснилось, знаю толк в пропаганде.

Эйвель кивнул. Называя остальных, он смотрел на них, но когда речь зашла про Бэлл, переделанный опустил взгляд:

— Бэлл тоже представляет Ленгерн и...

— А мое имя вы назвать не хотите? — у Бэлл всегда был низкий голос, но сейчас он звучал еще и вполне мог принадлежать мужчине. — Ра, — эйлийка повернулась к Марку. Зрачки сузились, и радужка показалась еще более светлой. — Девочка сторонилась меня, но, оставшись одна, приняла условия сделки. Она хотела спасти тебя, пока не пришел этот и не предложил новый план. — Повернувшись в другую сторону, Бэлл ткнула Эйвеля в грудь. — Это девочка попросила объяснить.

Отодвинувшись от указывающей на него руки, Эйвель пояснил:

— Марк, Ра — дух. Так называют умерших, не вступивших на новый круг жизни. Немногие задерживаются по своей воле, как правило, что-то ломается в их душе и не дает переродиться. Единственное их стремление — снова почувствовать жизнь, поэтому они всегда пытаются заключить сделку с эйлом: их силы взамен на тело. Не знаю, на какой срок Бэлл получила способности, но сейчас она видит и знает больше всех нас, и нам это нужно.

Едва заметным жестом Марк дотронулся до локтя девушки и шепнул:

— Мне жаль.

Ее лицо осунулось, Бэлл опустила взгляд, но ответила тем же низким, грубым голосом:

— Девочка не хочет говорить, но она услышала тебя.

Никто не продолжил разговор — молчание длилось не меньше минуты, пока собравшиеся переглядывались тяжелыми, усталыми взглядами.

— Кард и другие города, на которые напал Ленгерн, — начал Джай, постукивая по столу костяшками пальцев. — не важны с точки зрения ресурсов, но их захват имеет стратегическую ценность: без них не подобраться к Грийстоку. Это центр области, крупный промышленный и торговый город. По-хорошему, ойвелцы должны были направить в пограничные города больше дивизий, однако они просчитались, решив, что бомбежка северных районов Арьента поставит Ленгерн на колени.

Джай замолчал и сделал медленный, глубокий вдох. Сначала Марку показалось, что райзаповцу тяжело говорить о случившемся — может быть, он был там? — но по плотно сжатым рукам он решил, что Джай в принципе не хочет говорить, и роль командира — не выбор, а необходимость.

— Ленгернийская армия продвигается вглубь Грийстокской области. Бои идут за каждый десяток километров, но ойвелцы все равно потихоньку отступают. Если ситуация не изменится, через две недели ленгернийцы подберутся к Грийстоку. Взятие города даст им слишком сильное преимущество, и дело не только в ресурсах. В Ойвеле король и совет правят наравне. Грийсток считается городом, всецело преданным совету. Это один из символов власти, и его захват деморализует ойвелцев. Если же они удержат город, это будет стоить больших потерь ленгернийцам, их откинут назад — преимущество окажется у Ойвела. Ни тем, ни другим нельзя дать его.

— Есть секретный ингредиент. — Арон забарабанил по столу, хотя в глазах совсем не было веселья, да и губы он сжимал так, что проступили морщины.

Джай кивнул:

— Мы покажем себя. Не дадим преимущества никому и дадим понять, что война не только не заканчивается, но и переходит на второй фронт, если они не начнут действовать вместе. А чтобы Ленгерн не решил, что это проблема Ойвела, следующий удар мы нанесем по нему.

Марк помнил слова Джая — тот сам называл свои стремления дорогой трупов. Может быть, так всегда и происходило в истории: не разрешить одними словами накопленной вражды, не отпустить грехи, в которых винят отцов. Но ни в какое существование «малой крови» не верилось, и любая цена не могла зваться приемлемой.

— Вы уже выбрали королей для Ленгерна и Ойвела, но почему продолжить войну вам легче, чем устроить переворот? Почему нельзя сменить власть в обоих государствах и заключить мир?

— А разве ненавидят только короли? — вздохнув, Эйвель поправил маску. — Ленгернийцев учат, что ойвелцы — жестокие захватчики, ойвелцев, что ленгернийцы — дикие звери. У них нет другой правды, и с какой силой ни говори обратное, они не поверят. Им нужно это увидеть. Мы должны оказаться достаточно сильны, чтобы ленгернийцы и ойвелцы поняли, что поодиночке им не справиться, нужно объединиться. И только стоя бок о бок, они поймут, кто есть кто.

Алуин поддержал Эйвеля:

— Ойвелцы страшатся не столько ленгернийцев, сколько их магии. В нашем мире ее не было, а здесь мы страдали из-за нее. Возможно, правда выглядит иначе, но нас заставляют верить. Я должен был стать королем, однако ненависть к магии уравнивает всех, и меня отправили на смерть. Может быть, я не докажу, что я не чудовище, но тогда я покажу, что Эрман и Арамин сами имеют когти.

Первый образ Алуина рассыпался окончательно, и Марк понял, насколько он не похож на своего брата. Да, они носили схожие прически, одинаковыми жестами опускали очки на кон-

чик носа, одевались, будто ходили к одному портному, но если Эрман строил из себя бедного юношу, который вынужден преступать черту ради своего государства, но, конечно, не хочет этого, то сталь в голосе Алуина, мрачная решимость на лице честно говорили о том, что он пойдет на многое, и мечта его — месть.

Марк обвел присутствующих взглядом.

— И сколько вас? Сколько нужно сил, что иметь право угрожать двум государствам?

Джай и Эйвель переглянулись. Сделав голос еще жестче, лидер райзаповцев ответил:

— Да, по сравнению с численностью Ленгерна и Ойвела это ничтожная цифра, но нам нужно не драться, а напугать.

— Требуется зрелище, — Каира кивнула, хмуря лицо под стать Джаю. — Как это сделал Ленгерн, отправив сурреев в Кард. — Бэлл стиснула руки, поджала губы, но если ей и хотелось что-то сказать, голоса она не посмела подать, как и Ра. — Если обе стороны отступят, напуганные, думать будут не о разрушениях и не о жертвах, а о том, на что еще мы способны. Магия — наше оружие и наши декорации.

Марк простучал пальцами по столу короткую мелодию. Отчасти ему даже хотелось того, о чем говорили райзаповцы: дать магии волю, чтобы унять нестихающую злость, вырвать скопившийся страх с корнем. Другая часть, меньшая, пожалуй, жмущаяся в углу и робко поднимающая голову, своим тонким голоском напоминала, ради чего он пересек стену, как обещал постараться найти компромисс. И как Кэй сказал, что мало стараться — надо сделать.

— Во сколько вы оцениваете жертвы? Мы ударим по двум армиям, а сам Грийсток? Что будет с его жителями?

То ли Джай угадал мысли, то ли Марк совсем разучился держать лицо, но райзаповец ответил почти на все вопросы, которые крутились в голове:

— Это и есть компромисс, другого попросту нет. Я начинал слишком много раз, и права на ошибку уже не осталось. Ты здесь не для того, что подсчитывать жертвы или придумывать новые планы, — каждое предложение звучало жестче предыдущего. — Все уже просчитано и продумано. Мы захватим Грийсток. Через две недели. И поверь, у меня еще достаточно аргументов, чтобы убедить тебя.

Арон притих, старательно рассматривая фениксов в альковах, Алуин вторил ему. Каира одобрительно кивнула, взгляд потеплел, на губах впервые появилась улыбка — совсем робкая, даже неумелая, будто целительница не привыкла вкладывать в нее что-то хорошее.

— Когда смерть подбирается настолько близко, слово «плохо» перестает существовать. — Эйвель примирительно поднял руки. — Во время войны мораль меняется, и сохранить свет сложнее, чем отдать жизнь, но чтобы спокойно жилось другим, кому-то необходимо свою жизнь, свою совесть и даже честь отдать на растерзание.

— Все мы тут гребанный отряд самоубийц, — Арон с лихой улыбкой рубанул ладонью по воздуху.

Засевшая злость уже превратилась в злобу и рвалась с цепи, как дикий, изголодавшийся зверь. Неприязнь скопилась в равной степени ко всем. К Кристоге, придумавшему систему переделки и использующему людей подобно мяснику. К лицемерным Колям. К Джаю, со всей своей силой, со знанием прошлого и будущего увидевшего только один путь — дорогу трупов. И к себе, готовому переступить часть, которая еще верила, что компромисс есть. То ли жесткие слова Джая, то ли пафосные — Эйвеля добрались до разума и липкими нитями опутали его, убедив: да, поступить нужно так. Присоединиться к райзаповцам, стать хаосом и разбить сложившийся порядок на кусочки. Может быть, тогда настанет мир. Может быть, тогда побег окажется ненапряжным, и зарастет дыра внутри.

— Эвакуацию готовят, — низким голосом произнесла Бэлл. — Мы это видели.

Хотелось задать ни один вопрос, но по тому, как отчужденно держалась девушка, как равнодушно от ее лица говорил Ра, казалось, смысла попросту нет.

— Хорошо, а что должен сделать я? — Марк провел пальцами по резному краю стола. Узор из листьев незаметно превращался в волны. По настоящим бы волнам сейчас — и прочь отсюда.

— Я уже говорил, всему нужен символ, — начал Джай. Он подставил под голову руку, в голосе зазвучали усталые нотки, будто он разговаривал с нерадивым учеником, который никак не мог усвоить простого урока. — Ты сбежал от Кристоге и Эрмана, но они — не те, кто умеет отпускать, и вызов им должен бросить тот, кого знают они оба. Ты должен стать для них бешеным псом, которого шпыняли столько раз, что теперь он готов разорвать всех в клочья. Демоном, свергнуть которого можно, только объединившись, не меньше.

В детстве Марк не читал сказок — книги ему заменяла нотная грамота, но не обязательно было читать их, чтобы знать, как в конце истории поступают со злодеями. Арон сказал верно — это план, в котором ради чертовой надежды на мир они ставят на кон свои жизни. Вот так легко и играючи. Марк это понимал, да и умение надеяться он не считал подходящим для себя, но улеглись все иглы, и он не произнес ни слова. До конца еще было далеко, а все, чего хотелось сейчас — вскрыть нарыв, выплеснуть злобу и дать нарасти новой, здоровой коже.

— Мы на одной стороне. — Эйвель повернулся к Марку и пальцами коснулся нижнего края маски. — Всем нам быть демонами, потому что у нас есть причины спуститься в ад. — Он приподнял маску, показался кусочек черной шерсти. — А может, мы и не знали ничего, кроме ада, но пусть же он останется с нами и не откроет врата остальным.

Эйвель снял маску, аккуратно положил рядом с перчатками. Арон весь вытянулся — того и гляди, как ребенок, познающий мир, ткнет пальцем, чтобы проверить, какова шерсть наощупь. Морщина на лбу Каиры стала глубже, хотя не дрогнули кончики губ, не шевельнулась рука. Даже Бэлл повернулась, рассматривая Эйвеля, и только Джай хранил все тот же жесткий взгляд да держал перед лицом сжатые в замок ладони.

— Это... — начал Арон, и в голосе впервые зазвучало смущение.

— Через две недели. Грийсток, — прервал его Джай. — Я обсужу план с каждым в отдельности. Общий сбор через четыре дня. — Он поочередно посмотрел на каждого так пристально, словно хотел распотрошить грудь и добраться до нутра, затем поднялся и стремительно вышел.

4. Чтобы мы жили

Отмеренные Джаем две недели были наполнены разговорами и беготней, доносами, военным делом, картами и тренировками. От нескончаемых визитов колени ныли не переставая. Уроков магии было так много, что не прекращалась боль в висках, и подобно зудящей ране она донимала и донимала, не давая ни минуты покоя. Это были тяжелые дни, и дневная усталость сводила с ума и ночью, превращаясь в бесконечную череду снов о том, как за Марком опять приходят, как колют и режут, как разглядывают, точно анатомический атлас, и делают заметки для новых экспериментов.

За это время Марк оставил палату и поселился у Арона. В маленькой квартире врач отдыхал, работая в подземной больнице, но большую часть времени он проводил наверху, поэтому они практически не сталкивались и не превратились в склочных соседей, которые фыркают вслед друг другу.

Короткая передышка наступила только за два дня до операции в Грийстоке, и Марк предпочел остаться дома, но и та продлилась недолго и была нарушена Джаем. Появившись на пороге, вместо приветствия он скупно произнес:

— Надо поговорить. — И осмотрелся.

Жилые дома в подземном городе были одноэтажными, с единственным входом и длинным коридором. Квартиры делали такими тесными, что жильцы оставляли вещи и в коридорах, превращая их в настоящие свалки. В доме, где жил Арон, из-за свободного пяточка регулярно устраивали скандалы, один раз дошло до драки, а крики про украденное звучали каждое утро, как по расписанию, и заменяли будильник. Это был грязный, некрасивый мир, от которого хотелось отгородиться, но Марк уже достаточно насмотрелся, чтобы понять, что так происходит везде: все спорят за клочок земли, дерутся за него, а могли бы разгрести завалы и организовать территорию по новой.

Марк посторонился, пропуская Джая. Райзаповец протиснулся между коробом с отсыревшими краями и кучей пропахшей старьем ветоши и зашел в квартиру. Она выглядела немногим лучше коридора: низкий закопченный потолок и серые стены, ряды коробок, в которых остались вещи тех, кого когда-то пустил Арон, хаос из одежды, оставленный самим врачом. Нет, жить здесь можно было: в комнате хватало места для двух кроватей и шкафа, на кухне работала плита, стоял стол, а ванна выглядела почти прилично — но что это за жизнь, было уже другим вопросом.

Марк провел Джая на кухню, они расселись на стульях — главном достоянии квартиры. Из хорошего сорта дерева, с красивой бархатной обивкой — они казались неуместными здесь, как драгоценность среди барахла в лавке старьевщика. Арон рассказывал, что это благодарность мебельщика за успешно проведенную операцию, и по-настоящему гордился ими, а когда сосед позволил себе с ногами забраться на стул, разворчался на него и прогнал в комнату.

Джай никак не начинал разговор, Марк тоже молчал, и молчание быстро сделалось гнетущим. Наблюдая со стороны, он бы даже посмеялся над такими собеседниками: встретились два молчуна — ну, кто кого перемолчит? Но сейчас Марк сам был на одной из сторон и уже чувствовал легкое раздражение. Джай же, казалось, наслаждается молчанием — почти что с искренним интересом он разглядывал пшеничное поле и солнце, нарисованные на месте окна.

Послышавшийся треск отходящих от стены обоев точно стал командой, и Джай отмер:

— Ты никогда не начинаешь разговор первым?

— Если не знаю, зачем мне этот разговор, то нет.

С Джаем Марк давно отбросил церемонное: «Вы» и никак не сдерживал ни ворчания, ни пренебрежения, ни, тем более, равнодушия к некоторым из вопросов. Наоборот, все плохое внутри он выставлял напоказ: смотри, какой я, смотри, кого ты выбрал. Конечно, в таком пове-

дении было немало детского, но в этот раз Марк не хотел притворяться, как делал с Кристоге и Эрманом, и предпочитал показать что есть. Возможно, притворство стало ошибкой, которая не дала решить уравнение, и сейчас стоило выбрать другой алгоритм.

— Я скажу тебе, что все меняются. Ты выбрал не ту роль, с которой возможно остаться прежним. Я это видел.

Поднявшись, Марк поставил чайник на плиту и захлопал дверцами шкафов, выискивая заварку, которую Арон никогда не оставлял на одном месте.

Он не знал, как относиться к Джаю. Райзаповец говорил решительно и жестко, и хоть понять и разделить его идеи получалось не всегда, такая целеустремленность вызывала уважение. Деятельность и четкость каждого действия тоже добавляла очков уважения. Но еще чаще Джай говорил так, словно все для него были просто фигурками в игре, правила которой знал только он и расставлял, как ему вздумается.

— Что ты видел? Как кончится война?

Прежде чем ответить, Джай взял паузу.

— Я хочу поговорить о времени. Если все сложится, как я видел, тебе понадобится знать больше, но будет уже не до разговоров.

Ответ почти что разочаровал Марка. Открыв райзаповцу, он решил, что Джай хочет еще раз обсудить грийстокский план. Разговоры о нем были для Марка подобны заживающей ране — болит, но так хочется сорвать запекшуюся корку. Слова о войне отзывались холодом внутри, однако вместе с этим отчаянно хотелось туда, в самое пекло, чтобы спустить с цепи всех собак, и пусть они глодают кости врагов, а не его собственные.

Марк повернулся:

— Так что ты видел?

Джай сидел прямо, точно вместо позвоночника натянули струну, и все вглядывался в пшеничное поле и солнце, нарисованные не слишком умело, как будто детской рукой.

— Много разрухи. Смерть. И два равных государства. Это будет короткий путь, если мы верно сыграем, но это все та же дорога трупов.

— Как такое возможно? — Марк снял чайник с плиты и залил кипятком терпкую смесь сушеных листьев. — Будущее ведь зависит от множества факторов, как ты можешь быть уверен, что оно случится?

— Прыгающих во времени немного, и у нас нет учителей, кроме собственного опыта. Я не могу утверждать, что все сказанное — истина, нет, это просто набор моих наблюдений и собранных ошибок.

Взяв чашку, Джай отхлебнул чай и неожиданно улыбнулся:

— Я видел, как рушатся старые цивилизации и появляются новые, забывались история, традиции, технологии, но не чай.

Марк вернулся за стол. Еще несколько минут стоял тишина, прерываемая только постукиванием чашек о блюдца.

— Каждый прыгающий во времени проклят. Мы как бумажные самолетики, которые в любой момент может подхватить ветер и унести. Мы не привязаны к одному времени, нас постоянно мотает, и мы не можем знать, в каком году будет наше завтра. Та точка, в которую нас забросило, становится некой меткой, и все, что было до, теперь неизменно. Сейчас тысяча девятьсот тридцать третий год — мне не подвластно прошлое. До этого я жил в переходное время, нулевые годы, когда рухнул старый Ленгерн и еще не был построен новый — тогда та точка являлась конечной. Между ними слишком большой разрыв, вернуться мне не под силу. Если меня забросит в прошлое снова, я не смогу и будущее изменить, так как в нем уже стоит метка.

Джай залпом допил остатки чая и продолжил:

— Прыгая в прошлое, мы буквально создаем копию текущей временной ветки. Что-то делаем, возвращаемся. Изменения останутся, если они не конфликтуют с настоящим, если не меняют его. Поэтому я говорю, что прошлое неизменно: случившиеся события уже не исправить и не перекрыть другими. Но можно дать человеку мысль, идею — и в нужный момент она станет двигателем, который изменит будущее. Так, прыгая в прошлое, я зародил в головах идею о создании «Райзапа» — это было именно идеей, а реальностью стало сейчас, и действия тоже нужны сейчас, в настоящем.

Джай кончиками пальцев коснулся рисунка, вздохнул, из взгляда и голоса, впервые, пожалуй, исчезла жесткость:

— У меня была дочь, и ей нравилось рисовать пшеничные поля. Сын тоже был. Я любил, но ничего не смог сохранить. Это ведь уже случалось: я видел будущее, в котором все стерла война, но не понимал, насколько увиденное близко, и что ответственность лежит на мне. Я позволил войне случиться. Конечно, я хочу иметь свою жизнь, жить ею, но я должен следить за другими, слушать и соединять все, чтобы на этот раз будущее настало. Я каждый день прыгаю, проверяя, правильные ли решения мы принимаем. Ты прав, будущее зависит от множества факторов, и я не могу предсказать всего, но мне достаточно не увидеть крушения.

Марк снова поставил чайник. Он нуждался в паузе, чтобы уложить услышанное в голове. Время по-прежнему казалось запутанной линией, у него не было правил, да и любимчиков тоже не было, ни одного оно не щадило. Из всего этого Джай пытался построить простую систему — ту, где не стоит жирной точки, обрывающей судьбы.

— Ты говоришь, что когда меняешь что-то в прошлом, по возвращении в настоящее все становится прежним. Почему ты не останешься там, чтобы прожить нормальную жизнь с учетом сделанных изменений? Или не останешься в будущем, где все уже случилось?

— Я хочу, очень. Только я помню, что не привязан к одному времени и в любой момент могу исчезнуть из него. Начать, обрести и потерять сложнее, чем броситься в самую гущу, поэтому я принимаю, что дают.

Марк снова наполнил чашки и поставил их на стол.

— Я никогда не видел такое количество нитей, как у тебя.

Прижав руку к подбородку, Джай уставился на потолок.

— Не знаю, есть ли смысл говорить об этом, — он сделал паузу. — Я родился в другом Ленгерне, он принадлежал другому народу и...

Марк подался вперед:

— Ты человек, значит, другой народ — это?..

— Да. Люди хотели стать совершеннее и экспериментировали с магией. Дошло до того, что они научились переплетать нити магии с молекулами, образующими организм, и сделали силы наследственными. Появились новые расы — афеноры, эйлы, сурреи. Их использовали для грязной работы, и все закончилось войной, в которой созданные уничтожили создателей. Вот почему эти расы имеют меньше способностей к магии, чем люди — у них она буквально в генах и дает врожденные силы, а у людей — снаружи, подобно защитному кокону. — Джай отставил чашку и снова посмотрел на золотое пшеничное поле. — Я не был добровольцем, хоть и жертвой эксперимента тоже не могу себя назвать. Раньше знали, как воздействовать на участок мозга, отвечающий за выработку нитей, и я был одним из первых, на ком это опробовали. Но верной дозы тогда не знали, и я стал настолько силен, что меня забросило слишком далеко в будущее.

Хотелось от всей души выругаться, но Марк крепче сжал чашку да сделал глоток чая. И правда, не жизнь, а чертов круг, где все хотят одного — уничтожить. Сколько еще витков должно случиться: люди унижают нелюдей, тогда нелюди уничтожают людей, затем нелюди унижают людей, тогда люди уничтожают нелюдей — сколько?

Джай с громким ударом положил руки на стол.

— Я хотел поговорить с тобой не только о времени. Как я сказал, переделать прошлое одним махом нельзя, лишь постепенно, закладывая верные мысли и помогая им прорасти. С некоторыми, близкими Криансе и Колю, я знаком давно, и один из них хотел поговорить с тобой.

Внутри появилось неприятное, холодящее чувство. В этом мире было не так много тех, кого Марк знал, а близких Кристоге или Эрману — и того меньше. Он думал о Лизе, хотя она казалась последним человеком, кого Джай мог втянуть в свое дело, и тем более не тем, кто ищет встречи.

Спросить хотелось слишком о многом, но Марк предпочел не показывать интереса и снова задал вопрос о времени:

— Ты можешь так свободно перемещать людей из прошлого и будущего? Разве на текущем времени это не сказывается?

— Я уже говорил, что любое вмешательство в прошлое — риск, оно может произойти, а может стереться, точно его не было. Все зависит от того, насколько сильно ты вмешиваешься в историю. С будущим еще сложнее — оно не случилось, поэтому забрать оттуда невозможно ничего, кроме знаний, да и те будут зыбкими.

Джай поднялся.

— Я вернусь через несколько минут, — он улыбнулся только одним кончиком губ. — Завари пока чай.

Нити дрогнули: снова так быстро и зло ударили по струнам, — и Джай исчез.

Пока кипел чайник, Марк тщательно перебирал сказанное райзаповцем. Время оказалось шаткой структурой, и понять его не мог даже тот, кто видел прошлое и будущее. Работать с ним, как идти по канату во время бури. Но Джай все шел и нес свое проклятье.

Марк поднял левую руку и медленно сжал в кулак. А какая магия в этом мире не была проклятьем? Услышанные более полугодом назад слова отпечатались в памяти подобно клею: магия — продавец с жестокими условиями. Наверное, правильное было назвать ее ростовщиком, который берет с лихвой, и Марк чувствовал себя глупцом, забывшим, что всегда нужно читать мелкий шрифт и дополнение к договору. Все они были такими, да еще и в долги старательно лезли.

Снимая чайник с плиты, Марк двигался особенно медленно и думал, что вот то, ради чего эти долги — чтобы не жить так, как сейчас. Не бояться за свою жизнь. Чтобы будущее настало.

«Это что, надежда?» — хотелось посмеяться над самим собой.

Когда вновь дрогнули нити, Марк так и стоял с ухмылкой и металлическим чайником в руках. Еще секунду Джай держал Лизу за плечо, затем резко повернулся к выходу и бросил напоследок:

— Я вернусь через час.

Дверь хлопнула, а Марк все так и стоял напротив девушки, разглядывая ее, будто видел впервые. Она совсем не изменилась, и казалось, это самый обычный день из жизни в доме под куполом. Сейчас они вместе выйдут в сад, а может, прогуляются по городу. Конечно, Кэй увяжется следом — его и звать не нужно. Будет много болтать, постоянно забегая вперед, а Марк с Драконом — только переглядываться, едва успевая что-то вставить в болтовню Кэй.

— Привет, — Лиза улыбнулась — впервые на ее лице появилось смущение.

Марк почувствовал себя неловким подростком, который остался с девушкой наедине и не знает, как вести себя с ней. Надо что-то сказать. И сделать, наверное? Слова не вязались — да и не хотелось говорить. Дыра в груди опять заныла, будто чьи-то грубые пальцы схватились за края да раздвинули их. Вместе с Драконом пришло слишком много воспоминаний: как ярко Кэй отстаивал свои придуманные законы стаи, как аккуратно Бэлл присаживалась на краешек стула и прислушивалась к их разговорам, не подавая виду, что ей тоже интересно, и как сам

верил, что они уходят, чтобы начать спокойную жизнь. Вместе с этим Марк помнил последний разговор: как Лиза убеждала, что ему дают хорошее место, надо остаться, он привыкнет, главное — выжить. Но вот она стояла здесь, придя за Джаем из прошлого — так сколько правды было во всем, что случилось до?

— Чаю? Извини, я не готовился и не заходил в пекарню.

— Ничего, поем в свое время, — улыбаясь, Лиза опустила на место Джая.

Как же глупо все это звучало! Однако хотелось продолжать и продолжать, оттягивая момент, когда придется спросить или когда Дракон сама начнет рассказывать. Хаос в голове никак не удавалось привести в порядок, не утихала и злость, и еще один разговор мог стать каплей, которая не просто переполнит чашу, а ломает ее.

Марк медленно положил заварку, залил горячей водой. Кололо кончики пальцев, затем начало жечь все ладони. Еще не было сказано ни слова, но по молекуле, по атому та капля уже собиралась.

Поставив чашки на стол и еще не сев, Марк спросил:

— Что происходит? — тянуть смысла не было.

Лиза подставила руку под голову и принялась рассматривать плиту — тумбочку, поверх которой на металлических ножках были уложены пластины. Ее взгляд пробежался по кухне: остекленному посудному шкафу с кособокими дверцами, белой раковине с двумя кранами, потемневшим от времени и сырости обоям, потолку с разводами, упрямо тянувшемуся вверх цветку в горшке. Они будто сидели в старой хрущевке без намека на уют, но Лиза с такой силой вглядывалась в предметы, что ее нежелание отвечать стало очевидным еще на первых секундах.

Ладони жгло все сильнее. Марк вложил в голос легкий нажим:

— Что ты хотела сказать, когда просила Джая привести тебя?

— Джай рассказывал, если этот разговор поменяет что-то в настоящем, он сотрется из твоей памяти и моей. Но я не хотела сказать ничего такого — просто поговорить. Вы отправляетесь в Грийсток, я тоже буду там. Я боюсь, и если что-то случится, мне не хотелось бы, чтобы нашим последним разговором был тот, — после паузы Лиза добавила: — Я знаю, что произошло в Ордвеле.

— Ладно. — Марк пожал плечами. А что тут скажешь? Все уже случилось, и обсуждать смысла не было. Он оставался только в том, чтобы как-то это исправить, попытаться залатать, пусть и нитки прохудились, и игла сломалась.

— Мне жаль, что тебе пришлось столько вынести, и что Кэй... Он был лучше большинства из нас. В моем времени еще ничего не случилось, и хотела бы я что-то сделать! Хотя когда я что-то делала? — на лице Лизы проступила насмешка, и она напомнила себя прежнюю, более язвительную и уверенную.

Марк залпом допил остатки, чувствуя сожаление, что вместе с Ароном выпил все крепче чая и кофе. Это стало дурной привычкой, но без нее по-прежнему каждый хлопок двери означал, что за ним идут, что будут резать и изучать, а затем оставят гнить на соломенном матрасе.

— Что происходит, Лиза? Что ты знаешь? Как давно ты знакома с Джаем, что он говорил тебе?

— Все это началось очень давно, — девушка уставилась в точку на стене и заговорила ровным, машинным голосом. — Я бы не узнала, что делают с людьми и не решилась бы предложить себя для переделки. И не решилась бежать, а вот прекратить делать то, что я делала, решилась бы, наверное, даже если для этого требовалось умереть. Говоря с кем-то из запертых в клетках, я каждый раз представляла на их месте себя или своих знакомых. Но мне всегда говорили: потерпи, так надо, у тебя большая роль в будущем. Я верила и ждала, хотя сама не знаю чего. Сейчас все кажется таким никчемным. Наверное, нужно еще время, но я уже не могу.

Марк накрыл рукой ладонь Лизы, которой она сжимала чашку за ручку. Это было быстрое, почти инстинктивное движение, но он не отпустил, даже когда она удивленно посмотрела на него, а после ее улыбки только сжал сильнее.

— Что он говорил? Какая роль в будущем?

— Я давно знаю, что Ленгерн и Ойвел уничтожат друг друга, и что Джай пытается предотвратить войну и добиться мира. Я тоже хочу этого, в этом должна быть моя роль. Для нас война еще не началась, но я уверена, что Кристоге отправит меня в Грийсток. Что к тому времени работа надо мной будет закончена.

Лиза оказалась еще одной фигурой на шахматной доске Джая, где он сам занимался и расстановкой, и черчением клеток, и раскрашиванием. Можно ли было желание Лизы назвать настоящим, если в ее голову посадили росток сомнений, старательно поливали его и ухаживали, пока не появились плоды? Или без благодатной почвы семени не прорасти?

Так что Джай видел в будущем, что ему понадобилась Лиза? На самом ли деле его настоящее было здесь, сейчас, или он пришел из другого времени и умело разбрасывал в прошлом «крючки»?

— Только это был ты.

— Что? — Марк выпустил руку Лизы.

— Джай появлялся на доли секунды, я говорила с ним всего два раза. С ним был ты. Это ты сказал, что сделать, чтобы выжить, и что надо ждать.

Марк заломил пальцы до хруста. Вся шаткая куча мыслей мигом рухнула на него и погребла под собой. Это он из будущего приходил к Лизе в прошлом. Это он зародил в ней сомнения, и он же обрек на жизнь, которую она ненавидела. Почему? Как он мог согласиться на подобное? Стать Переделанной, бежать, сблизиться с Кристоге — его слова, его идеи. Зачем?

Выходит, Лиза была знакома с Марком почти десяток лет, знала, что будет дальше, и разыгрывала их сближение. Защищала его настоящее? Наверное, она понимала, что он целовал ее, чтобы отвлечь и заполучить ключи от кабинета Кристоге. И врала, притворяясь готовой на все ради собственного выживания. Знала, что чем больше она предлагает остаться, стерпеть, тем сильнее он будет хотеть уйти. Не он ли просил ее лгать?

Марк медленно провел рукой по лицу, но с такой силой, будто всю кожу пытался содрать. Сделать это хотелось — убрать все, чторосло за время жизни здесь, ведь настоящего было немного. Только то, что запланировал Джай.

— Я... — Марк не сразу нашелся с ответом. — Я не знаю, зачем я это сделаю и когда, но прости, что вышло так.

— Все не зря. Сделай как надо, приди. Я никогда не винила тебя, наоборот, я всегда ждала. Ты говорил, у меня важная роль, и это помогало мне.

«...Пережить, что я заставил терпеть», — закончил за нее Марк. Ответить он не успел — из коридора донесся звук открываемого замка. Два замка с двумя оборотами — так его запирали. Прижавшись спиной к стене, Марк исподлобья глянул на коридор. Однако ключ повернулся единожды, и на пороге появился Арон, устало понуривший плечи. Еще не видя Лизу, снимая куртку и ботинки, он заворчал:

— Вырезал сегодня грыжу, а потом вправлял руку. Черт возьми, врачей не хватает, скоро и роды принимать буду. Хотя чего в больнице хватает, кроме спирта?

Арон замер в коридоре, заметив гостью.

— Я не вовремя? Прервал главу на самом интересном месте? — с широкой ухмылкой он прошел на кухню. — Могу посидеть на улице, но недолго, я ужасно устал и хочу спать, — Арон налил стакан воды и залпом выпил. — Правильно-правильно, — он хлопнул Марка по плечу, подмигнул Лизе. — С девушкой надо общаться, пока она здесь, с тобой, и не ждать подходящего момента — его может не быть, — он повернулся и уже с порога кухни слышался голос: — Особенно, если она в руках дядюшки Кристоге, — он держался того же веселого

тона, с лица, наверное, не сошла улыбка, но рука скользнула в карман, и он достал футляр с таблетками.

Арон предлагал их, и, возможно, это стоило принять за дружескую поддержку, но ответ был категоричным — нет. Марк слишком хорошо помнил порочный круг зависимости, из которого он сумел выбраться, а Антон — нет.

Эти таблетки помогали видеть умерших. Вслух употребляющих их осуждали и порицали, но втайне все пробовали хотя бы раз в жизни. В них было спасение для тех, кому не хватило отмеренного времени, кто не успел попрощаться, кто так и не сказал «люблю». Как врач, Арон предупредил, что они вызывают привыкание, что он не должен такое предлагать. Как человек — шепнул между делом, прикрыв слова смешливой улыбкой, что знает, как важно последний раз поговорить с близким и отпустить.

Впрочем, сам он так и не отпустил. Марк не знал, скольких он оставил в родном мире, кого искал, начав работать под руководством Кристоге, и не успел найти — многих, судя по тому, как часто он вытаскивал футляр с таблетками.

— Кто это? — Лиза понизила голос, хотя Арон закрыл за собой дверь.

— Мы сейчас в подземной части Ордвела, где живут люди из нашего мира, Арон — врач, работающий здесь и наверху в гетто.

— Да, про гетто и подземный город я знаю, — Лиза кивнула. — Так ведь не должно быть.

Марк не успел ответить, как раздался стук в дверь. «Джай», — сразу понял он и открыл райзаповцу. Появившись с еще более жестким выражением, он сказал:

— Мне пришлось вернуться раньше. Кое-что случилось, и у меня нет времени.

Он забрал Лизу. Марк даже не сказал ей: «Пока» — они только кивнули и так легко, что можно принять за случайность, коснулись рук друг друга. Дрогнули нити, Джай и Лиза исчезли.

Марк не ждал возвращения прыгуна, однако тот все-таки появился и уточнил:

— Ты помнишь разговор?

Марк кивнул.

— Значит, он ничего не изменил в настоящем. Хорошо.

— Ответь мне. Ты говоришь, что сейчас — твое настоящее, а будущее еще может измениться. Как тогда возможно, что человек в прошлом знает меня из будущего?

Джай посмотрел на Марка — с неизменной жесткостью и цепкостью, как охотник, высматривающий дичь.

— Я не знаю, — процедил он. — Может быть, все уже случилось, вся история, и на самом деле нам ничего не изменить. Не знаю! Но пока у меня есть видение будущего, даже если оно ложное, я буду стараться, чтобы мы жили.

— Хорошо. Почему «Райзап»? Что это значит?

Услышав о тайном обществе от Эйвеля, Марк подумал, что на самом деле название стоит писать как «Rise up». Теория Эрмана объясняла, почему три мира связаны общими языками, и такая догадка имела место.

— Я так и не узнал, отчего умерла моя жена, но когда я нашел ее, она стояла на коленях со сложенными руками, будто молилась. Мне все казалось, она вот-вот встанет, — Джай как-то неопределенно повел рукой, что в равной степени могло означать и отчаяние, и насмешку над собой. — На языке моей родины «райзап» — это поднимайся.

Марк простучал пальцами по столу короткую мелодию. Сегодня Джай сказал достаточно, чтобы понять, почему он, первый раз не поверив в реальность увиденного будущего, сейчас с такой непоколебимой решимостью взялся за дело и возвел чувство ответственности в абсолют. Говорить, что не понимает его, Марк уже не мог, но и то, как райзаповец дергал за ниточки, заставляя линии сойтись в нужной ему точке, не вызывало доверия.

— Ты видел победу в Грийстоке?

— Иначе бы меня здесь не было.

Дрогнули нити, наполнив комнату едва слышным звоном, и Джай исчез. В равной степени его ответ мог означать и да, и нет, но раз он взялся за перестановку фигур, о хорошем это не говорило.

5. Главное, чтобы это не было прощанием

Джаю помогала Мэй — вертлявая девчонка, выросшая в подземном городе, где подобные ей укрывались от разыскивающей магов полиции. На вид ей было не больше шестнадцати, но ругалась она похуже мужчин-рабочих, да и курила не меньше их, и ее низкий, успевший охрипнуть голос не соответствовал ни возрасту, ни золотым кудряшкам, которые она упорно прятала под кепкой.

Пока Джай прыгал в прошлое и будущее, проверяя на правильность каждый шаг ленгернийской и ойвелской армий, Мэй гуляла по настоящему. Магия, которая позволяла ей перемещаться в пространстве, сделала Мэй незаменимой. Нет, были и другие, подобные ей, но немногие обладали такой скоростью, что становились практически невидимы.

Благодаря Джаю с Мэй и тому, что видели Бэлл-Ра, расчеты были сделаны верны, и до начала операции в Грийстоке оставалось меньше суток. Они — гребаный отряд самоубийц, как повторял Арон — собрались вечером, чтобы последний раз обсудить план и вести с фронта.

Дорога до ратуши теперь была хорошо знакома, а кабинеты Марк знал не хуже камеры, в которой его держал Эрман. Изредка появлялись лидеры подземного города, бунтари из гетто, шпионы из армий, но они тоже принадлежали тайному обществу, и все здание можно было назвать резиденцией «Райзапа».

Костяк оставался неизменным: Джай, Эйвель, Алуин, Арон, Каира и Марк. Бэлл с Ра внутри звали, когда требовалось помощь духов, приходили они и на последние собрания, так как им приготовили роль не простых солдат.

В зале собрались не все: не было Алуина и идущего из гетто Арона. Марк сел рядом с Бэлл. Девушка повернулась к нему всего на секунду — с каменным лицом, которое с каждым разом становилось все холоднее, хотя казалось, быть равнодушнее уже невозможно.

Сидящий напротив Эйвель приготовил тетрадь и ручку. Как примерный ученик, каждое собрание он вел записи и с педантичной точностью записывал за Джаем. Наверное, план он уже знал наизусть, до секунды, но все равно снова и снова писал, даже когда обсуждались хорошо известные вещи.

Выбрав место в конце стола, Мэй не стесняясь курила. Это были тяжелые, вонючие сигареты, и воздух в зале пропах табаком.

У двери стояли Каира и Джай и тихо переговаривались. Судя по хмурым лицам, по напряженным плечам речь шла о предстоящем сражении, но что-то в них все равно переменялось. Вроде бы Джай не терял жесткости взгляда, не улыбался, но весь его образ смягчился и посветлел. Морщина на лбу Каиры по-прежнему придавала женщине суровости, как улыбаться, она тоже не вспоминала, но и ее взгляд стал более открытым. Может, дело было в том, как свет падал на их лица, а может, Марк просто подглядел то, что оба скрывали.

Появился Арон с большой сумкой на плече и щелкнул Мэй по кепке, отчего та сползла набок. Девушка отодвинулась от него с сердитым лицом и поправила кепку, скрывая под ней золотые кудри. Сев, Арон поставил сумку на пол, тихонько звякнуло стекло.

— Нет, ну а что, разве мы не посидим после собрания? — искренне удивился он. — А как же глава, в которой герои исповедуются друг другу перед смертью и просят прощения? Завтра ведь может быть последний день, — Арон улыбался, точно говорил о рабочем дне перед отпуском, и у него уже были собраны чемоданы, чтобы в этот самый отпуск рвануть.

Джай отошел от Аиры:

— Делайте что хотите, но чтобы к полудню вы были на месте и без трясущихся рук.

Марк был уверен, что Джай, точно воспитатель в детском саду, обязательно прыгнет в будущее и проверит, все ли в порядке, и если хоть одного не будет, он найдет способы привести непослушного «ребенка», но его методы не понравятся.

— К полудню? — удивился Эйвель. — Мы же собирались начать раньше, что изменилось?

В этот момент вошел Алуин, и, не дожидаясь, когда ойвелец сядет, Джай сразу перешел к делу:

— Ленгернийцы подошли к Грийстоку. Им удалось захватить мост на западе города, город остался без снабжения. Ночью армия разделится, и первая дивизия двинется на восток, к крепости, чтобы вымотать ойвелцев боями на две стороны и отрезать их от восточных дорог.

Джай не садился. Уперев кулаки в стол, он поочередно посмотрел на собравшихся. Марк не понимал, почему в бой идут все. Объективно, нужны были только он сам, Бэлл с Ра, может, Каира и Арон — и то с натяжкой. Однако рвался каждый, точно совсем не жалел своей жизни и стремился отдать ее как можно скорее, и Джай позволял им рисковать.

— Наступление начнется в пять утра, — продолжал Джай. — Командование в Грийстоке догадывается об операции, поэтому бои будут затяжными. В полдень выступит отряд. — Райзаповец кивнул Марку — это была одна из его задач. — Я повторю все. Марк, Бэлл, Ра — вы начинаете в первом кольце фортов, вас перенесет Гиван. У вас есть десять минут, после — к отряду. Эйвель, Алуин, вы прокладываете путь к ратуше. Марк, ты знаешь, что должен сделать с ней. Каира, Арон, помогайте раненым, — Джай задержался взглядом на Ароне. — но не рискуйте понапрасну. Мэй, — с не меньшей настойчивостью продолжил райзаповец. — Я запрещаю тебе прыгать на передовую. Ты переносишь раненых, которых вытащили врачи.

Вот и все. Звучало просто, будто речь шла о том, кто куда пойдет, но за этим скрывалось множество ходов, деталей и разговоров, каждый четко знал свое место, свой отряд и шаг, который ему необходимо сделать. В плане не оставалось надежды на удачу — он был основан на расчете, на знании будущего. Марк думал, Джай что-то не договаривает, да и не верил он, что можно предусмотреть все. Но в план верил и даже хотел начать, чтобы выпустить яд, который отравлял организм и направлял мысли в одну сторону — разнести всех ублюдков на молекулы.

Впрочем, главные ублюдки оставались далеко — им хватало пешек, чтобы держаться вдали от сражения. Грийсток был только первым шагом по дороге трупов, которая вела к ним.

— Да черта с два, — буркнула Мэй. — Я должна переносить их! — кивком головы она указала на Марка и Бэлл. — Я быстрее Гивана и буду делать дело, а не хвастаться, как он, так почему? Его даже нет здесь!

— Я так решил, и этого должно быть достаточно. Почему, тебя не касается.

Мэй дернула кепку, еще ниже опуская ее на лоб, и скрестила руки на груди.

— Джай, я ни разу не слышал цифр, — Алуин подался вперед и вперился в лидера райзаповцев взглядом. — Какова расстановка сил?

Тот не любил отвечать на вопросы. Рассказывать он тоже не любил, но это было необходимо, и он не позволял перебивать себя, не позволял отойти от намеченного им плана и говорил ровно то, что считал нужным. Видимо, соотношения сил не было в этом списке, но от того сильнее казалось, что райзаповцев — единицы, и это и правда отряд самоубийц.

— Не знаю, каковы потери на сегодняшний день, но на момент вступления в Грийстокскую область у ленгернийцев было сто двадцать тысяч солдат и офицеров, семьсот пятьдесят орудий и минометов и двадцать самолетов. У ойвелцев — в два раза больше людей, полторы тысячи орудий, пятьсот самолетов и сотня танков. Хотя танки в условиях штурма бессмысленны.

Эйвель продолжал записывать каждое слово: Марк увидел, как тот быстрыми движениями начертил таблицы и подчеркнул большие значения — все на стороне ойвелеской армии. Достаточно ли было магов и Переделанных, чтобы уравнивать силы? Сражение представлялось мясорубкой, не иначе.

— А у нас, Джай? Что есть у нас? — Алуин спрашивал все настойчивее.

Вслед за ним остальные тоже напряглись, превратив собрание в парад хмурых героев. Марк понимал их, и внутри что-то отзывалось, когда он думал об операции. Наверное, это подавал голос старый Марк, велевший все взвесить, обдумать, оценить риски, просчитать — кто поновее напоминал, что к хорошему результату эти расчеты не приводили, не умеет он ни считать, ни планировать. Тогда черт с ними. Закон ведь гласил: за все нужно платить, и Марк был готов заплатить, надеясь, что боль, отданная делу, сделает легче.

— Десять тысяч. Нас десять тысяч, — слова звучали подобно приговору, о котором догадывались, но все равно надеялись на помиловании.

— Ой, не говори, что ты думал, нас — легион, — Арон лениво потянулся. — Мы не удержим город таким количеством, только если ленгернийцы и ойвелцы будут думать, что нас больше.

— Да, я знаю, — Алуин устало провел рукой по лицу. — Знаю, на что иду, но... — он не договорил и просто пожал плечами.

— В войне мы или находим себя, или теряем, — начал Эйвель, тоном напомнив Кристоге. — В этот раз на кону стоит больше — найти себя должны два государства.

— Еще вопросы? — прервал Джай, так и не севший за стол.

— У матросов нет вопросов, — Арон поднял руки.

— Завтра к полудню, — кивнул Алуин.

— Мои маги готовы, — Каира впервые за собрание подала голос, и по тону не было ясно, боится ли она, решительно ли она настроена, уверена ли в «своих магах».

— И я, — поддакнула Мэй, доставая из пачки новую сигарету.

Джай ушел, следом за ним — Каира. Алуин помедлил, вышел, но вернулся через несколько минут. К этому времени Арон, точно заправский фокусник, уже достал из сумки бутылки и стаканы и ловким движением разлил вино и виски.

Марк хотел спросить: разве можно в ратуше пить?, стоит ли это делать перед сражением? — вместо всех вопросов он молча взял стакан. Какая к черту разница, что можно и что стоит — важно только, что разобьет собравшееся в тугой ком напряжение, а алкоголь отлично справлялся с этим, пусть и временно.

Арон подсел к Марку, и они молча пили. Забравшись в альков в стене, Мэй курила одну сигарету за другой, пила и порой поправляла спадающую на лоб кепку. Она казалась не по годам взрослой, уставшей и ненавидящей всю чертову жизнь. Похожее выражение было у Алуина, хотя Марк знал, что ненавидит ойвелец не жизнь, а своих братьев. По морде Эйвеля не удавалось прочесть его мыслей, но стакан он сжимал слишком крепко, чтобы решить, что это приятные мысли. Бэлл будто пила за двоих: за себя и за Ра.

Это был тяжелый, гнетущий вечер, и алкоголя понадобилось слишком много, чтобы ослабились хмурые лица. Впрочем, возможно, это были не настоящие улыбки, а просто мышечные судороги. Марк бы не удивился, ведь у него самого от каждого глотка воспоминания становились только ярче, точно он переживал все заново. В какой-то момент он даже решил попросить у Арона таблетки, позволяющие видеть умерших, но так и не сделал этого. Их попросту не хватило бы: они давали возможность поговорить, а хотелось не только просить прощения, но и стереть последние месяцы.

— Я давно ее знаю, — внезапно начал Арон, понизив голос и смотря на Мэй. — Когда ее родители поняли, что их дочь — маг, они не ушли с ней в подземный город, а сдали в приют. Здесь много таких брошенных. Что толку от магии — это ведь обычные дети, точно так же болеют и калечатся. У нас треть коек — детские. Если есть время, я помогаю в приюте. И так-то врачей мало, а уж тех, кто хочет работать с детьми... Вот и приходится. Конечно, в гетто я только три года, но дети ведь растут быстро, они будто на моих глазах повзрослели. Мэй никогда не болела, но я все равно заметил ее. Она постоянно работала: то шьет, то на кухне помогает, то полы моет. Видно, что не хочет этого, а делает. Совсем не щадила себя, и сейчас

не лучше. Сама разыскала Джая и сказала, что мечтает выйти на свет и ради этого на все готова. Верит, что он поможет людям из подземного города.

Марк посмотрел на девчонку: золотая кудряшка опять выбилась из-под кепки, она сдула ее и залпом допила стакан. Таких, как Мэй, он знал по тем месяцам, когда держался не с той компанией и принимал наркотики: они искали цель, чтобы зажить по новой, лучше, но раны всегда оказывались сильнее, и они продолжали разрушать себя.

— Ты говорил с ней?

— А что я? — Арон пожал плечами. — Кто я ей? Да и всем таким детям? Говорил, конечно, но они же «лучше знают, что им нужно». Хотя я их понимаю. За такую жизнь и правда не стоит держаться, — допив стакан, Арон до краев наполнил новый.

— Зачем тогда ты все это делаешь, если, по-твоему, держаться не за что?

— Не все такие, как я или они. Многим есть чем дорожить. Хотя бы собой. Да и чтобы такого больше не было, кто-то должен действовать. А я... Считаю меня мазохистом.

Арон так вцепился в стакан, что пальцы, наверное, могло свести судорогой. Он вглядывался в янтарную жидкость, а кончики губ опускались все ниже. Так заканчивался почти каждый разговор: слово за словом бравада сменялась тоской, и она казалось более настоящей, чем все ухмылки и шутки. Марк уже не раз задавал вопрос, видя, что замки проржавели, и Арону хочется выпустить то, что давно томилось за дверью:

— Почему? Что тогда случилось, я могу спросить?

— Вот же чертяка. — Арон пожурил пальцем. — Вывел-таки меня на разговор. Ладно-ладно, вот тебе исповедь героя. Те абзацы, которые многие перескакивают, а зря, наш автор старался, испытания всем подбирал да похуже.

Арон снова посмотрел на Мэй. В одной руке сжимая стакан, другой она выводила на подлокотнике кресла какие-то узоры. Кудри опять выбились из-под кепки, но больше девушка не прятала их.

— Я сам из таких детей: я рос в детдоме. И моя... — лицо исказилось, Арон так и не смог произнести кто. — Но мы всегда были вместе и не чувствовали одиночества. Не знаю, почему так. Просто сколько я себя помню, она стояла рядом, сидела за той же партой, даже на уроке физкультуры бежала следом. Знал бы ты, как она любила читать! Я вешаться готов был, столько она болтала про всех этих своих авторов, героев, сюжеты. Хотела учителем литературы стать. Ну и поступила, а я — на медицинский. Времени едва хватало, но мне все равно помнится, что она даже тогда была рядом. И ведь мы еще умудрились собаку завести, гулять успевали, играть! Хотя нас из-за нее все время грозились выселить из общежития.

Вместо улыбки вышла жалкая гримаса, а взмах больше напоминал беспомощно протянутую руку.

— Мы так и оказались здесь. Я обнимаю ее, а она обнимает собаку. Втроем. Вот так семья, да? Нас поймали, допросили, отправили по разным домам. Я пытался соврать, что это моя жена, что она беременна, что мне надо быть рядом, но кого это волновало? Собаку тоже куда-то забрали. Больше я их не видел. Кристоге взял меня к себе, а потом я узнал, что делают с людьми. Она попала в число тех, чью магию забрали. Вот так столько месяцев она была рядом, а я не знал. Не помог. И еще вдобавок, как выяснилось, кромсал других на органы для Переделанных. Все, что у меня осталось, шрам от удара и ее книга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.